

ДЖУН Ч.А. ТАН

18+

THE PHOENIX
OF GOLD

Джун Ч. Л. Тан
Нефрит. Огонь. Золото
Серия «Young Adult. Китайское
магическое фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66748633

Нефрит. Огонь. Золото:

ISBN 978-5-04-161879-7

Аннотация

Ан

Она – никто. Девушка без прошлого и семьи.

Алтан

Он – потерянный наследник, лишенный возможности взойти на престол.

Когда они встречаются, Алтан видит в девушке возможность вернуться на престол. Ан видит в юноше способ наконец узнать прошлое и понять свои смертоносные магические способности.

Покидая вечные пески пустыни, они отправляются на поиски феникса и дракона, которые могут поведать о том, как вернуть принадлежащее им по праву. Но цена, которую молодым людям придется заплатить за эти знания, намного больше, чем они могли себе представить.

Содержание

Глоссарий	5
Пролог	10
Бескрайняя пустыня	13
Глава 1	14
Глава 2	38
Глава 3	57
Глава 4	75
Глава 5	80
Дворец с тысячей шпионов	90
Глава 6	91
Глава 7	105
Глава 8	113
Глава 9	125
Глава 10	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Джун Ч. Л. Тан

Нефрит. Огонь. Золото

*Когда дракон воспарит ввысь, а феникс
пустится в пляс, на жителей Поднебесной
снизойдет счастье и на долгие годы воцарится
мир и спокойствие.*

Древняя пословица Империи Ши

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глоссарий

«Нефрит, Огонь, Золото» – это роман сянься¹ (*xianxia*), фэнтези-история, основанная на китайском фольклоре и мифологии и повествующая о магии, демонах, призраках, волшебных зверях и бессмертных созданиях.

Клан (*clan*) – большая семья, родственная по крови, носящая одну и ту же фамилию. Каждый клан может иметь собственные методы самосовершенствования и стили боевых искусств, которые передаются из поколения в поколение.

Совершенствующийся (*cultivator*) – человек с высоким уровнем духовной энергии, обучающийся боевым или мистическим искусствам (магии).

Линкао (*língcǎo*) – растения или травы, которые можно употреблять внутрь или применять для усиления духовной энергии или исцеления ран. Также называется духовной травой.

Ци (*qì*) – жизненная или духовная энергия, присутствующая во всем сущем.

Меридианы (*meridians*) – сеть каналов в теле, по которым циркулирует ци. Подобно кровеносным сосудам, меридианы можно контролировать, чтобы остановить поток ци,

¹ Досл. «бессмертный рыцарь».

тем самым парализуя движения и/или магию.

Секта (*sect*) – нерелигиозная организация, занимающаяся совершенствованием и/или боевыми искусствами и возглавляемая лидером. Имеет иерархическую структуру, при которой старейшины секты обучают учеников правильным методам самосовершенствования и/или особым стилям боевых искусств.

Усин (*wǔxíng*) – или «пять элементов»/«пять фаз». Стоит из фундаментальных элементов, образующих Вселенную: дерева, огня, земли, металла и воды, которые сосуществуют в циклических отношениях. Эта теория появилась во времена династии Хань и использовалась в различных областях приложения ранней китайской мысли, таких как медицина, музыка, военная стратегия и геомантия, и по сей день применяется в сферах вроде иглоукалывания и боевых искусств.

Страны и места

Хонгуоди (*Honguodi*) – государство, расположенное к западу от материка Ши, богато железом. Из-за обвинения в убийстве императора Гао Луна ведет непрерывные военные действия с Ши.

Менгу (*Mengu*) – уединенное государство на севере с мягким климатом, защищенное горным хребтом Удин. Это матриархальное общество, возглавляемое королевой.

Горы Удин (*Wudin Mountains*) – обширный горный хребет, расположенный между материком Ши и Менгу.

Источник Цзюй (*Jiyu Spring*) – холодный источник в пещере на вершине гор Удин, также известный как источник Воспоминаний.

Нанда (*Nandah*) – большое, объединенное государство на юге, отделенное от материковой империи Ши проливом Нанда. Ранее воевало с Ши.

Империя Ши (*Shi Empire*) – страна-агрессор, с незапамятных времен стремящаяся расширить свою территорию. Единственный мирный период в ее истории связан со временем правления императора Гао Луна.

Бэйшоу (*Beishow*) – столица империи Ши.

Шамо (*Shahmo*) – город на краю пустыни, в прошлом бывший частью Хонгуоди, а теперь принадлежащий Империи Ши.

Хеши (*Heshi*) – процветающий речной город, расположенный на полпути между Шамо и Бэйшоу.

Южные Колонии (*Southern Colonies*) – некогда относящиеся к Нанде, эти острова были завоеваны Империей Ши, которой и принадлежат на протяжении последних семидесяти пяти лет.

Синьчжу (*Xinzhu*) – островной архипелаг, управляемый королем.

Треугольник Дракона (Dragon's Triangle) – таинственный и опасный участок моря на южной оконечности архипелага.

Фракции, группировки и магические создания

Дийе (*Diyeh*) – секта совершенствующихся, владеющих магией и умеющих обращаться с огнем. Приближены к трону Дракона, являются элитной личной гвардией императора.

Феникс (*Fènghuáng*) – или фэнхуан, Духовный Зверь, охраняющий царство между Небом и Землей.

Дракон (*Lóng*) – или лун, Духовный Зверь, охраняющий царство между Землей и Подземным Миром.

Секта Лотоса (*Lotus Sect*) – женская секта наемниц, специализирующихся на искусстве убийства. Не все они тяньсай.

Клан Сунь (*Sun Clan*) – видная расширенная семья, некоторые из членов которой являются известными совершенствующимися.

Тяньсай (*Tiensai*) – собирательное общее название людей, обладающих высокой духовной энергией и способных совершенствовать магию, которой наделены. Могут обладать умением обращаться с одним из пяти элементов или более.

Обращение к людям

Апо (*ah pó*) – бабушка. Может использоваться для обращения к пожилой женщине.

Ама (*ama*) – бабушка; специфический диалект.

Даге (*dàgē*) – старший братец. Может использоваться как вежливое обращение к молодому человеку, который старше говорящего, или для обращения к мужчине вообще.

Геге (*gēge*) – старший братец. Применительно к незнакомцу может указывать на кокетливую манеру общения.

Шифу (*Shīfu*) – опытный мастер, наставник, учитель, «отец» (в отношениях мастер-ученик).

Сяоди (*xiāodì*) – младший братец. Может использоваться для обращения к молодому человеку, который моложе говорящего.

Сяомэй (*xiāomèi*) – младшая сестрица. Может использоваться для обращения к молодой женщине, которая моложе говорящего.

Пролог

Убегая из дворца, мальчик крепко держал сестру за руку, боясь, что, разожми он пальцы, и потеряет ее навсегда. Дома оставаться было небезопасно: отец мертв, а в воздухе висит тлетворный запах предательства.

Под покровом ночи дети вслед за матерью крались по улицам Бэйшоу, направляясь к западной границе в надежде отыскать убежище там, где, казалось, никому и в голову не придет их искать, – в пустыне.

Не самое подходящее место для королевской семьи, но императрица Одгерель молила богов, чтобы зыбучие пески укрыли их в своих лабиринтах.

Они брели тропами кочевников, всякий раз устраиваясь на ночлег в новом месте: иногда в шатре, а иногда и вовсе под звездным небом. Изменяли имена, облик, манеру речи.

В конце концов их все же настигли солдаты.

С ними явился человек, укутанный в плащ черного дыма и красной ярости. Человек, который не успокоится, пока не уничтожит всех членов королевской семьи.

Вопреки всему, мальчик выжил.

Через несколько дней после мощной песчаной бури его нашел проходящий мимо караван кочевников. Осиротевшим – ни матери, ни сестры, – обезвоженным и охваченным лихорадкой, балансирующим на пороге смерти. С вырван-

ными ногтями и запекшейся на пальцах кровью.

Кочевники не стали расспрашивать странного мальчика.

Мальчика, который ненавидел пустыню всей душой, но был вынужден просить у нее защиты. Мальчика с искалеченной душой, губ которого, возможно, никогда больше не коснется улыбка, а глаза не увидят света. Мальчика, который не мог или не хотел говорить. Когда он все же раскрыл забитый песком рот, то сумел вымолвить одно-единственное слово. И повторял его снова и снова.

Сарангерель.

Так звали его возлюбленную сестру-близнеца. Ту, которую он не сумел уберечь.

Поначалу он пугал кочевников, но все же они не дали умереть ребенку. Исцелили его раны, кормили его и обучали своему языку и обычаям. Несмотря на их доброту, мальчик боялся, что обречен до конца жизни плутать среди песков и собственных ночных кошмаров.

Но коварные боги уготовили ему иную судьбу.

Однажды за ним пришел человек, который оставался предан убитому императору. Он увел малыша из пустыни, переправил через море и доставил в дальние земли на юге, в колонии с более мягким климатом. Постепенно сломленный ребенок начал приходить в себя, но края его ран срастались неровно, а в душе ширился голод, бескрайний и горький, утолить который можно, только исправив причиненное зло.

Говорят, боги испытывают людей с определенной целью,

и никогда не взваливают на их плечи непосильную ношу, но мальчик готов был с этим поспорить. Боги жестоки, а люди – всего лишь марионетки в большой пьесе, поставленной на потеху скучающих небожителей.

Он поклялся вырвать свою судьбу у них из рук.

Он ждал благоприятного случая, какого-то знака.

Однажды на рассвете в туманных горах Удин раздался странный клетот, и несколько деревенских жителей клялись и божились, что рассмотрели кружащегося над острыми пиками неуловимого фэнхуана ², восставшего из пепла. Его не видели уже сотню лет.

Что-то пробуждалось к жизни, и мальчик понял: его время пришло.

² Феникс в китайской мифологии.

Бескрайняя пустыня

Глава 1

АН

Одна серебряная монета.

Разница между жизнью и смертью.

Между тем, выживет ли моя бабушка, или я останусь одна-одинешенька в целом мире.

Сердце громко колотится у меня в груди, а во рту становится сухо, как в пустыне, когда лекарь бросает взгляд на столбик монет. Они медные, не серебряные. Ему даже пересчитывать их незачем. Мы оба понимаем, что этот столбик слишком мал, да к тому же не того цвета, поскольку монеты не из драгоценного металла.

Забавно, какой убийственной силой может обладать нечто, добытое из земли. Перекованное в мечи, используемое на войне. И становящееся причиной, по которой некоторые люди ходят с пустыми животами.

Презрительно фыркнув, лекарь поворачивается обратно к деревянным ящичкам, тянувшимся вдоль всей стены в аптекарской лавке. Выдвинув один, достает несколько нитей кордицепса и изящные щипчики, которыми осторожно кладет коричневый, похожий на червя, гриб на круглое металлическое блюдо, подвешенное к тонкой деревянной палочке. Прищурив свои глазки-бусинки, он внимательно изучает вырезанные на ней цифры и перемещает противовес, чтобы

отмерить нужное количество. При этом он ни разу даже не взглянул на меня.

Как будто меня не существует.

– Прошу вас, – молю я, стараясь притушить разгорающееся в груди пламя, – остальное я уплачу через неделю. Речь ведь идет всего об одной серебряной монете. У моей бабушки несколько дней не спадает жар. Дайте мне лекарство.

Он притворяется, что не слышит. Отложив весы, подходит к большому стеклянному сосуду, заполненному скрюченными корнями, которые плавают в бурой жидкости.

Чтобы сдержать рвущийся наружу поток проклятий, я с силой вдавливаю ногти в ладони, оставляя на них следы в виде полумесяца. Возможно, этого человека разжалобит вид моих слез.

– *Пожалуйста*, – продолжаю дрожащим голосом и часто дышу, – ведь моя бабушка помогла появиться на свет вашему сыну. Роды были трудные, но ей удалось спасти вашу жену...

– И бабушке Цзя щедро заплатили за услуги! Жаль, что она все еще больна, но мне нужно кормить собственную семью. Думаешь, тебе одной трудно живется? Иди-ка покричи об этом на улице, никто и головы не повернет. В пустыне нет места сентиментальности.

– Но...

– Я и так был слишком добр к тебе, Ан. Не забывай, ты должна мне за полученное на прошлой неделе лекарство. Почему бы тебе не обратиться к хозяину таверны? Только

этот мерзавец и зарабатывает в треклятом городе.

– Я просила, но этого недостаточно, – лгу, ощущая, как от нехорошего предчувствия завязывается в узел желудок.

Две недели назад я лишилась работы в единственном месте, куда меня приняли. Хозяин таверны – ярый поборник пунктуальности, а я в этом месяце несколько раз опаздывала, потому что, ухаживая всю ночь за амой, пропускала подводу из нашей деревеньки в Шамо. А бегом такое расстояние покрыть невозможно. По такой-то удушающей жаре! Я пыталась, честно, но иногда одних попыток бывает недостаточно.

Лекарь окидывает меня странным взглядом.

– Лет-то тебе сколько? Шестнадцать?

Я киваю, машинально дергая себя за косы, которые спускаются до самой талии. Девушки моего возраста обычно собирают волосы в высокий узел, удерживаемый *фазан* – церемониальной шпилькой, символизирующей достижение ими брачного возраста. Ама тоже хотела добыть для меня такую, считая, что это важный обряд инициации. Я же, напротив, не видела в этом никакого смысла. О замужестве я не помышляла, а деньги лучше было бы потратить на еду или починку вечно протекающей крыши хижины.

Пряча глаза, лекарь бормочет:

– Я слышал, что в заведении мадам Лю требуются новые девушки. В конце этой недели, наконец-то, будет большой базар, и она рассчитывает на значительный приток клиентов. Девчонка вроде тебя уж точно преуспеет, даже с этим шра-

мом на щеке.

Боль в моем желудке усиливается.

– Предлагаете мне пойти в бордель?

– В том, чем занимаются его обитательницы, нет ничего постыдного. Это достойная работа, – быстро произносит он и вскидывает руку в воздух, чтобы разрядить напряжение. – Вторая двоюродная сестра моей жены там убирается. Она могла бы свести тебя с мадам Лю.

– Я подумаю, – лепечу я.

По лицу лекаря тенью скользит сочувствие, и он быстро отворачивается к своим травам, ссутулив узкие плечи. Я сгребаю с прилавка жалкую горсть монет и, спотыкаясь, выхожу из лавки. Ощущаю, как к горлу подступает тошнота. Понимаю, что он прав. Тонкая серебристая ниточка застарелого шрама на левой щеке почти незаметна, разве что в резком свете, к тому же моим преимуществом станет молодость.

Достойная работа.

Для отчаявшихся вроде меня.

Вот только не знаю, какова степень моего отчаяния. Гоню от себя эти мысли, не до того мне сейчас. Не могу же я вернуться домой с пустыми руками.

Вспоминаю ужасный сухой кашель амы, сотрясающий все ее тело. Она не знает, что у меня больше нет работы, потому что я притворяюсь: встаю на рассвете, как обычно, и еду в город, а по возвращении рассказываю за ужином небылицы о том, как прошел день в таверне. Деньги идут на убыль, и

пища наша с каждым днем становится все более скудной.

Настало время это исправить.

Низко нахлобучиваю старую соломенную шляпу и закрываю подбородок и нос льняным шарфом. Хотя большую часть времени в Шамо я проводила на кухне таверны, и вряд ли найдется много людей, способных узнать меня в лицо, все же лучше поостеречься.

Неделю назад на городской площади огласили указ о том, чтобы следующие сорок девять дней в знак скорби по почившему императору все носили только белое. Новая одежда стоит денег, а белую к тому же слишком трудно содержать в чистоте. Поэтому большинство выбирает более дешевый, но добротный светлый лен, которым торгуют пустынные кочевники. Это, конечно, не самая лучшая замена, и вообще идет вразрез с традицией, но имперские войска не обращают внимания на состоящее из горстки деревень поселение в отдаленном уголке Империи Ши.

Городишко, прежде являвшийся частью другой страны и, что еще важнее, не пополняющий имперскую казну, не представляет для них интереса.

Я с легкостью смешиваюсь с толпой одетых в бежевое людей, среди которых изредка мелькают кремово-белые всполохи, и легко скольжу мимо торгующих едой тележек. Проворными пальцами хватаю несколько *ёутяо*³ и парочку

³ Хворост – вид печенья.

маньтоу ⁴. К тому времени, как я доберусь домой, хворост превратится в размокшую кашу, а воздушные сейчас пампушки станут твердыми, как камень. Все же это лучше, чем ничего. Привычным жестом, отточенным за годы жизни проголодь, прячу еду в складках одежды.

На тележке передо мной продается *чуан'р* – жареное мясо, которое стало бы настоящим лакомством для амы, но я опасюсь, что острые шпажки порвут мой и без того ветхий наряд. Я нерешительно топчусь на месте, и тут интуиция подсказывает мне повернуть голову.

Вижу шагающего ко мне хмурого грузного мужчину. Неужели он заметил, как я крала еду? Ощущая, как участился пульс, я перехожу к соседнему прилавку и с притворным вниманием изучаю разложенные на нем груботканые хлопковые платки. Тусклые и расшитые незамысловатой вышивкой, они представляют собой жалкую имитацию шелковых платочков, которые носят при себе знатные дамы в крупных городах на востоке Империи.

Я расслабляю плечи, когда мужчина проходит мимо, не сказав мне ни слова. На всякий случай провожаю глазами его удаляющуюся спину. Он явно неместный. У мужчин Империи Ши традиционно длинные волосы, а этот незнакомец выбрит почти наголо. Кожа у него задубевшая и красная – значит, либо он родом с юга, либо много времени проводит

⁴ Хлебец, приготовленный на пару, пампушка.

на солнце. Вопреки официальному указу, на нем *ханьфу*⁵ темно-серого цвета без вышивки или орнамента на тунике и штанах. Это обычное одеяние представителей низшего сословия. Возможно, он торговец из южного государства Нанда.

«Или солдат в увольнительной», – мысленно отмечаю я. И тогда лучше держаться от него подальше. Кроме того, мне нужно доставить аме еду.

– Я видел, что ты сделала.

Я резко разворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с Ли Го, который, дерзко ухмыляясь, пялится на выпуклости у меня на талии.

– А *сам-то* чего здесь болтаешься? Разве ты не должен быть на работе? – огрызаюсь я, глядя на стоящего передо мной долговязого паренька. Заслышав его беззаботный смех, можно подумать, что у него не жизнь, а сплошной праздник, но на самом деле он такой же тощий, как и все здесь, потому что слишком часто ложится спать на пустой желудок.

– Моя сегодняшняя смена закончилась, и я как раз шел домой, когда заметил тебя.

– Как там все? – спрашиваю я, шагая рядом с ним. Я продержалась в таверне год, а Ли Го целых два – с тех пор, как перебрался из нашей деревеньки в Шамо. И пусть остальные работники обращались со мной вежливо, но Ли Го – мой

⁵ Традиционный костюм ханьцев Китая.

единственный настоящий друг.

— Ингма уверяет, что скучает по тебе. Ну, ты меня знаешь, я молчать не стал и прямо заявил Олд Пэнгу, что у тебя болеет бабушка, — улыбка Ли Го тает, — но он ничего не пожелал слушать.

Иного я и не ожидала. Хозяин таверны — единственный, кто преуспел в нашем захолустном городишке, и все благодаря постоянной погоне за прибылью, а на работников ему плевать.

Ли Го сует мне что-то в ладонь. Монетки. Я отрицательно качаю головой и возвращаю ему медяшки. Он уже открывает рот, но я награждаю друга красноречивым взглядом, и он благоразумно решает не спорить. Мы давно дружим и понимаем друг друга без слов. Денег его я не возьму, ведь они с отцом нуждаются в них ничуть не меньше меня самой.

Ли Го со вздохом прячет монеты обратно в карман штанов и взамен протягивает мне красное яблоко, которое я немедленно хватаю. Обожаю яблоки, но в пустыне раздобыть их, как и другие свежие фрукты, нелегко. По подбородку у меня течет сок, когда я вгрызаюсь зубами в мякоть, ощущая сладкий сок на языке. Яблоко обошлось бы другу в целое состояние, но я не сомневаюсь, что он мимоходом стянул его у какого-нибудь торговца.

Правда в том, что, обитая в хлипкой хибарке, годящейся лишь на то, чтобы преклонить голову на ночь, быстро учишься разным способам устроиться в жизни. Кажется, я бы отда-

ла все, чтобы сбежать от бесконечной жары Шамо и плоского тусклого пейзажа без единого зеленого проблеска! О моем сокровенном желании известно одному Ли Го. Я не рассказывала о нем даже аме. После всего, что она для меня сделала, я просто не способна на такую неблагодарность.

Мы направляемся к общественным колодцам, расположенным на городской окраине. Улицы пустеют, и меня посещают столь же гнетущие думы, как и выцветшие витрины вокруг. Мысленно возвращаюсь в те дни, когда мы были детьми и жили в нашей деревеньке. Поддерживали друг друга, смеялись до упаду, окутанные коконом наивности и свято верящие в то, что нам нечего терять.

Мы ошибались. Нам очень даже было что терять.

Два года назад наш уютный кокон разрушила суровая реальность, когда с войны одну за другой доставили погребальные урны с прахом братьев Ли Го. Империя даже не позаботилась вернуть их тела. Мать Ли Го умерла от горя, так и не узнав, действительно ли в блестящих керамических сосудах пепел ее детей или он принадлежит их павшим товарищам, и гадая, когда ее последний оставшийся в живых сын будет принесен в жертву чужим ненасытным амбициям.

А лишившемуся семьи Ли Го пришлось изыскивать возможности выживания для себя и своего отца.

– Как, по-твоему, война с Хонгуоди на самом деле закончилась? – спрашиваю я.

Расположение у западного городка Шамо очень удачное:

на безопасной дороге между бесплодной пустыней и ядовитыми соляными озерами. Хотя мы и находимся в сотнях миль от столицы, но узнаем все новости от проходящих путников. В последнее время только и разговоров, что о новом мирном договоре между двумя странами.

– Похоже на то, – отвечает Ли Го. – И торговые пути снова открыты.

– Это пока. – Перемирие долго не продлится. Кажется, мы постоянно воюем то с одним государством, то с другим. – А что тебе известно о новом наследном принце? Он такой же кровожадный, каким был его отец?

– Я слышал, что он очень молод, едва шестнадцать стукнуло.

Я закатываю глаза.

– Подумать только, наши судьбы будет вершить какой-то избалованный паршивец, сидящий на троне Дракона.

– Наверное, пока он не достигнет совершеннолетия, править за него будет вдовствующая императрица. Хотя такой расклад меня тоже не радует. Нам нужен *император*, который крепкой рукой возьмет бразды правления, а не какая-то неженка или простофиля... ай!

Ли Го потирает место на руке, куда я его ущипнула.

– С чего ты решил, что вдовствующая императрица – простофиля? И вообще, может, Империи как раз и не хватает женского влияния. Она бы царствовала размеренно и вдумчиво, без всех этих военных глупостей, – парирую я.

– Может, – соглашается Ли Го, и у него на лице появляется мечтательное выражение. – Помнишь, как мы хотели отправиться на поиски приключений? Посмотреть мир за пределами нашего городка?

Я пожимаю плечами, будто мне все равно, но на деле не могу выбросить из головы картины, которые видела в таверне и выставленными на продажу на улице. На них яркими красками были изображены большие города, высоченные горы со скрытыми в тумане вершинами, уходящие в небо заснеженные пики, долины, пересеченные узкими лентами радужных рек. Эти виды словно нашептывали об увлекательных путешествиях, диковинных созданиях, землях, которые нужно исследовать, и блюдах, которые надо отведать.

Я вспоминаю, как, еще работая в таверне, прислушивалась всякий раз, когда до меня долетали обрывки разговоров о мире, лежащем за пределами нашего скучного городка. От мыслей *«что, если»* сердце всякий раз сладко замирало в груди.

– Теперь, когда война закончилась, мы можем уйти, – говорит Ли Го. – Я знаю, что тебе этого хочется.

– Только если война не начнется снова. Да и вообще, куда нам податься? Я же ничего не умею, – ворчливо отзываюсь я. – Даже работу сохранить не в состоянии.

Одной рукой обняв меня за плечи, другой он указывает за горизонт.

– Мы можем отправиться куда угодно: на запад или юг,

попытать счастья в восточных городах или даже в столице. Отец научил меня плотничать. Я мог бы найти себе дело по душе, а ты занялась бы торговлей. Будет весело, вот увидишь. То самое приключение, о котором мы так долго мечтали.

Беспокойство у меня в груди сменяется томлением. И все же я не могу бросить женщину, которая спасла мне жизнь.

Это долг крови, который нужно вернуть.

– Я не оставлю аму, – чуть слышно произношу я.

– Давай подождем, пока бабушке Цзя не станет получше. – Глаза друга сияют яростной надеждой, как тогда, в детстве. Мне совершенно не хочется тушить этот свет. Однако я напоминаю себе, что чем скорее парень примет правду, тем легче ему будет жить на свете.

– Я больше не хочу никуда идти. А ты давай попытай счастья. Не затягивай, потому что если начнешь раздумывать, так всю жизнь и просидишь на одном месте. – Я смотрю Ли Го прямо в глаза, надеясь, что он не раскусит мою ложь, как с легкостью делал раньше. Убеждаю себя, что это *мне самой* следует смириться с правдой и не усложнять себе жизнь.

– Но...

– Не сейчас, Гого. – Я давненько не называла друга уменьшительным именем, и теперь, слышав его, он усмехается.

– Однажды мне все же удастся тебя убедить, – замечает он, легонько пожимая мне руку.

Я улыбаюсь в ответ. Его надежда заразительна, хоть и на-

ивна.

Мы останавливаемся у общественного колодца, и я отвя-
зываю от пояса флягу. На сердце у меня тяжело. Бросаю вед-
ро вниз и, кажется, целую вечность жду, когда оно нырнет в
воду. Как скоро иссякнут грунтовые воды? Сколько пройдет
времени, прежде чем Шамо превратится в город-призрак? И
что тогда станет с моей деревенькой? Я тяну ведро обратно,
обдирая кожу ладоней о потрепанную веревку. Возможно,
единственный способ выжить – отрастить толстую кожу.

Кто-то хватает меня за ногу.

Вскрикнув, я отскакиваю назад, расплескав драгоценную
жидкость.

На меня снизу вверх смотрит валяющаяся на земле жен-
щина, чье тело едва прикрыто лохмотьями, а короткие тем-
ные волосы сплошь сбились в колтуны. Наконец она убира-
ет кривые дрожащие пальцы с моей лодыжки. У нее нет од-
ной ноги, и она распространяет вокруг себя тлетворный за-
пах гниющей плоти. Должно быть, она пряталась за колод-
цем. Я пытаюсь отвести взгляд, но он сам собой устремляет-
ся к отметке у нее на лбу.

Хотя ее лицо покрыто грязью, на коже отчетливо виден
характерный алый иероглиф на языке Ши.

Предательница.

Я натыкаюсь на Ли Го.

– Нам нужно идти.

Женщина издает ужасающий звук – бессвязное гортанное

бульканье, – и я понимаю, что она немая. У нее вырезали язык, как и у всех ей подобных.

Друг не только не уходит, но и опускается рядом с женщиной на корточки.

– Что ты делаешь? – шепчу я, воровато оглядываясь по сторонам. Вокруг никого и ничего, кроме закрытых ставнями витрин. Однако страх перед священниками Дийе так велик, что при одной мысли о них сердце начинает биться быстрее.

А вот Ли Го не боится.

– Отдай ей свою еду, – велит он.

– Нет! Что на тебя нашло? Мы все равно не сможем ей помочь. А если кто-нибудь увидит? – Я морщусь при мысли о собственной бессердечности.

«Уж лучше проявить осторожность, даже если при этом приходится быть бесчувственным», – напоминаю себе известную пословицу жителей Шамо.

Ли Го бросает на меня презрительный взгляд.

– Не трусь. Она голодна и умрет, если мы ей не поможем.

«Она все равно обречена», – хочется возразить мне.

– Что, если нас поймают священники? – малодушно произношу я, а женщина снова издает пугающий звук и смотрит на ведро. Ее пустые глаза озаряются мольбой.

– Раз сама не хочешь помочь, уйди с дороги.

Отстранив меня, друг снова опускает ведро в колодец. Вытянув его обратно, складывает ладони лодочкой и зачерпы-

вает воду. Женщина пьет жадно и шумно, едва не захлебываясь от облегчения. Теперь я понимаю, что она очень юна, немногим старше меня самой.

«Предательница», – обличает красная метка у нее на лбу, и мне становится интересно, кого эта девушка пыталась защитить? Мать? Брата? Или, возможно, друга? Как бы то ни было, преступление она совершила пугающе простое: укрывала тяньсай – человека, наделенного проклятым магическим даром. В поисках таких людей священники разъезжают по городам и деревням, а если находят, насаживают их на кол и прилюдно сжигают на костре, принуждая членов семьи смотреть.

Судьба того, кто помогает тяньсай, тоже незавидна.

Им отрезают языки и сбывают волосы, что и случилось с этой девушкой. А еще клеймят, и эту отметку никак не скрыть. Они становятся отверженными, ведь никто не отважится прийти им на выручку, зная, какая за это постигнет страшная кара.

Вероятно, девушку ранили, и она потеряла ногу из-за того, что не нашлось ни единого человека, достаточно храброго или доброго, чтобы оказать ей помощь. Ли Го снова и снова черпает ладонями воду и подносит к ее губам. Девушка благодарно пьет.

«Думаешь, тебе одной трудно живется? Иди-ка покричи об этом на улице, никто и головы не повернет».

Спрятанные в складках моего одеяния маньтоу еще теп-

лые и свежие. Дрожащими пальцами я отрываю кусочек и вкладываю девушке в руку. Похоже, она улыбается мне, но наверняка сказать не могу, настолько сильно изуродованы ее губы.

А вот то, что она плачет, сомнений не вызывает.

Ли Го смотрит на меня с негодованием во взгляде.

– Знаешь, почему священники отрезают им языки, вместо того, чтобы убить? – Ответа на этот вопрос у меня нет. – Они поступают так, чтобы лишить надежды и посеять отчаяние. Понимают ведь, что люди станут избегать так называемых предателей, стремясь уберечь собственную шкуру. – Он сжимает кулаки. – И в этом они правы.

Я часто моргаю, чтобы прогнать образ, который не могу забыть даже спустя десять лет. Он и по сей день пугает меня и служит предупреждением, чтобы вела себя осторожно. Не следовало мне помогать этой девушке, так недолго и самой в беду угодить.

– Она оказывала содействие тяньсай, – возражаю я. – Хотя и знала, что в Империи магия запрещена не просто так. Священники говорят, именно магия тяньсай создала эту пустыню и явилась причиной засухи в одной из юго-восточных деревень, где перестал расти рис, и...

– Хочешь сказать, что она *заслуживает* такого наказания? – холодно прерывает мои рассуждения Ли Го.

– Нет! Я лишь говорю, что хватит уже над ней хлопотать. Священники...

Друг рассерженно поднимает руку, не давая мне закончить.

– Мы уже говорили с тобой об этом, и сейчас нет смысла продолжать. Если хочешь – уходи. Я один найду способ что-нибудь для нее сделать.

Я замечаю, что девушка не сводит с Ли Го полного надежды взгляда. Считает его своим спасителем. Мне же известно истинное положение дел. Как жаль, что я не могу рассказать другу правду о себе. Однако, оставаясь в неведении, он будет в большей безопасности. Я разворачиваюсь и усилием воли заставляю себя шагать прочь. Попеременно переставляю ноги и стараюсь не вспоминать о той ночи десять лет назад, когда я, одинокая и напуганная, бродила по пыльным улицам Шамо.

Снова пытаюсь выбросить из головы образ одинокого ребенка в лохмотьях, каким я тогда являлась. С зажатым в одном кулачке нефритовым перстнем и снежинкой – в другом.

Снежинкой, которая не таяла даже на летнем зное.

Час спустя я подхожу к своей деревне и чувствую при-

вычный укол в груди при виде ее плачевного состояния: иссушенные солнцем домишки из глины или грубо отесанных камней, каждый обнесен невысоким забором, обозначающим границы собственности. Селение находится к востоку от постепенно уменьшающегося в размерах оазиса, и земля здесь настолько сухая, что при каждом шаге в воздух взлетают облачка пыли.

Я почти не помню своего первого появления здесь, но одно знаю наверняка: тогда деревушка не была такой заброшенной, как сейчас. Наоборот, она процветала, в ней бурлила жизнь. Пейзаж был зелен, на пашне росли посевы. Мне нравилось слушать журчание воды в построенной еще в незапамятные времена системе оросительных каналов и кожей ощущать благословенную прохладу, омывая тело в конце дня.

Годы шли, пустыня подбиралась все ближе и ближе. некогда плодородные земли превратились в пыль, и ничего нельзя было изменить. Теперь хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать оставшихся в округе соседей. Большинство уехали в поисках лучшей жизни.

Я и сама бы так поступила, если бы могла.

Пробираюсь через брешь в старом каменном заборе, знаменующем границы самого маленького и отдаленного хозяйства, на ходу приглаживая руками растрепавшиеся волосы и поправляя одежду. Пристраивая деревянные доски на место пролома, чтобы замаскировать его, натягиваю на лицо фаль-

шивую улыбку.

Большую часть имущества мы уже распродали, и теперь у нас остался лишь стол, две ветхие кровати да несколько расшатанных стульев. Скучно, да, но это единственный дом, который у меня когда-либо был. И здесь меня ждет знакомое приветливое лицо амы. Она лежит в постели, обложенная протертыми до дыр одеялами.

– Раненько ты сегодня вернулась, – замечает она, осторожно приподнимая голову.

Я выкладываю остатки украденной еды на стол и подхожу к бабушке.

– Олд Пэнг любезно отпустил меня пораньше. Он знает, что тебе нездоровится, ама.

Мне ненавистно лгать ей, но если ама узнает правду, будет еще хуже. Кудрявые седые волосы падают на лицо, когда она пытается принять сидячее положение, а я взбиваю подушки, чтобы ей было на что опереться. Жар, исходящий от ее тела, отчетливо чувствуется даже в зное пустыни.

– Как ты себя чувствуешь, ама?

– Лучше, – криво усмехнувшись, отвечает она и убирает пряди волос с моего лба. – Я больше о тебе переживаю: рано встаешь, тяжело работаешь.

– Я в порядке. Мне не требуется много спать, – уверяю я бабушку, выдавливая из себя улыбку. – Сейчас соберу на стол.

Промываю последнюю оставшуюся у нас горстку риса и

варю на огне жидкую кашу, доливая гораздо больше воды, чем требуется, чтобы блюда хватило на подольше. Пока мы едим, я рассказываю истории якобы с работы. Так поднатолкнула во лжи, что почти сама себе верю.

Потом мы ложимся спать. Выжидаю около часа, на цыпочках возвращаюсь на кухню и, стараясь не шуметь, поднимаю половицу и достаю спрятанный под ней кожаный мешочек.

– Ан?

Я замираю на месте.

– Думала, ты уже спишь, ама.

– Что это ты делаешь? – спрашивает она, приближаясь шаркающей походкой.

Слишком поздно что-либо скрывать. Я разжимаю кулак и показываю ей сверкающий в свете лампы нефритовый перстень. Провожу большим пальцем по серебряной гравировке с фэнхуаном – мифическим фениксом, который, по поверьям, обитает высоко в горах Удин на севере. Металл потускнел, оперение птицы потемнело. Под ее лапками имеется едва заметный перламутровый узор, частично выщербленный, и все же этот перстень – самое красивое из всех моих немудреных пожитков.

Ама садится на пол и укрывает мне плечи одеялом.

– Раздумываешь, не продать ли его? – Я киваю. – Не делай этого, – твердо возражает она. – Это семейная вещь, единственное, что осталось тебе от родителей.

– Я совсем их не помню, – возражаю я. Возможно, они

меня бросили. Или давно мертвы. Память сохранила лишь смутное очертание чьего-то лица и звук голоса. Мои отец и мать.

– Дорогое дитя.

Ама устремляет на меня мутный взгляд своих серых глаз. Ее добрая теплая улыбка как путеводный маяк, направляющий через мрачные океанские глубины. Бабушка заключает меня в объятия, и я сразу же чувствую себя защищенной, несмотря на то, что из-за болезни она сильно исхудала и ослабла.

– Зачем ты спасла меня? Почему не отдала в руки священников Дийе? – вопрошаю, нежась в коконе ее рук. – Почему не испугалась, узнав, что я наделена магией?

– Потому что любая жизнь представляет ценность...

– ...И каждый ребенок заслуживает своего счастливого шанса, – заканчиваю я.

Ама гладит меня по волосам.

– Ты была всего лишь маленькой девочкой, а не демоном и не монстром, что бы там ни говорили священники.

– Но иногда я что-то *ощущаю* внутри, хотя и не жажду никакой магии. Она меня пугает. Она... – Я умолкаю, пожимая плечами. Все эти годы из страха угодить в лапы священников или навлечь беду на аму за то, что укрывает меня, я старалась сдерживать свою магию. Когда была младше, это давалось мне куда проще. Всего-то и нужно было не думать о магии. Забыть, что она вообще существует. Но постепенно

внутри меня, уж не знаю, почему, появились другие ощущения.

Совсем недавно, когда еще работала в таверне, я случайно заморозила чай в чашке, потому что Олд Пэнг орал на меня, и я едва соображала от злости. Хвала небесам, он ничего не заметил.

– О магии мне ничего не известно, зато я отлично знаю внучку, которую вырастила. Ты никому не причинишь вреда. – Ама намеренно выпрямляет спину. На ее лице появляется выражение, свидетельствующее о прошлом болезненном опыте. – Я живу на свете так давно, что застала времена, когда мир был зелен. Зеленее, чем запомнился тебе. Повсюду бурлила жизнь, не то что сейчас: куда ни посмотри, увидишь лишь бесконечную пустоту. Отчего же пустыня продолжает расползаться, когда эти мнимые святоши истребляют всех, кого называют тяньсай?

Обвинить священников Дийе в том, что они *мнимые*, равносильно призыванию беды на свою голову, но аме нет до этого дела. Она продолжает говорить, задорно сверкая глазами, будто долго собиралась и теперь, наконец, время пришло.

– В стародавние времена все было по-другому. Мы не говорим об императоре, который был до Гао Луна, потому что это запрещено. Однако он не верил в то, что тяньсай – демоны или монстры. Хорошим он был человеком, благослови небеса его душу.

Я тоже слышала о мирном правлении Рен Луна, но соб-

ственных воспоминаний у меня почти не сохранилось. Мне было всего шесть лет, когда он умер – незадолго до того, как ама взяла меня к себе.

Она пытается продолжить рассказ, но заходится в сильном приступе кашля. Ей определенно требуется лекарство. В голове молнией проносится предложение лекаря, от которого мне снова делается дурно.

Я подношу бабушке чашку воды.

– Тебе нужно отдохнуть, ама. Завтра поговорим.

Она засыпает, а я остаюсь сидеть в темноте, вспоминая, каким я тогда была маленьким грязным оборвышем, слоняющимся по улицам Шамо. Ноги у меня болели, и я крепко сжимала в кулачке перстень. Все вокруг делали вид, что не замечают меня, и спешили прочь. Наконец я попалась на глаза возвращающейся в свою деревню повитухе. Снежинка у меня в руке служила неопровержимым свидетельством того, что я наделена магией. Любой другой на месте амы просто ушел бы или отвел меня напрямиком к священникам Дийе, рассчитывая получить вознаграждение.

Но не она.

Помню собравшиеся вокруг ее глаз морщинки, когда она наклонилась ко мне и спросила, как меня зовут.

«Ан», – ответила я.

«*Какое красивое имя*», – произнесла она.

Сердце у амы большое, а вот кошелек тощий. Ее собственных детей и внуков унесла чума, свирепствовавшая несколь-

ко лет назад во многих странах, поэтому она взяла меня к себе и воспитала, как родную внучку. Бабушка – это вся моя семья. Продав перстень, я сохраню ей жизнь.

Но одновременно потеряю единственную ниточку, связывающую меня с настоящими родителями.

На глаза мне наворачиваются слезы, и я яростно моргаю, чтобы не дать им пролиться. Ли Го известно о моем стремлении покинуть Шамо, но ему никогда не понять, сколь многим я обязана аме. Я не могу бросить ее и не стану смотреть, как она страдает. Еще раз погладив пальцем перстень, я убираю его в мешочек и прячу под подушку, стараясь подавить бушующие в груди эмоции.

В пустыне нет места сентиментальности. Смотри-ка, вот ты и научилась не плакать.

Глава 2

АЛТАН

– Беги, Алтан!

Мамино лицо искажается от напряжения, один глаз, на который пришелся удар предателя, заплыл и не открывается. Из носа капает кровь.

На ее лице написаны паника и ужас. Но я не могу сдвинуться с места.

Мужчина хватается за волосы и, оттянув голову назад, медленно проводит по щеке ножом. Она кричит, пока по ее коже стекают красные капли.

Мерзавец смотрит на меня. Хочет, чтобы я все видел. Его губы кривятся в усмешке, а в глазах вспыхивает дикий огонь.

Его лицо. Что-то с ним не так.

Оно тает.

Это лицо демона.

Я понимаю, что вскоре демон в человеческом обличье придет за мной. И за моей сестрой. Пытаюсь бежать, но ноги словно налиты свинцом.

Человек-демон с такой силой бьет маму коленом в живот, что она падает на землю, и он тут же принимается пинать ее, дрожащую, ногами. Мама пытается уползти, но ее со всех сторон обступают солдаты в сапогах с металли-

ческими носами и с гоготом присоединяются к истязанию.

Один, два, три. В моем сознании навеки запечатлевается каждый удар.

Человек-демон не солдат. Укутанный в плащ черного дыма и красной ярости, он отеческим жестом вытягивает руку, якобы чтобы приласкать. Только вот это не мой родитель. Его жестокая улыбка становится шире, и он разжимает кулак.

На ладони вспыхивает пламя и, извиваясь, танцует, будто змея под гипнотическую мелодию, а потом разевает пасть и исторгает сноп огня и дыма.

И снова я пытаюсь убежать, но страх обвивает ноги своими щупальцами, приковывает к земле. Я прихожу в себя, лишь когда сестра издает нечеловеческий вопль.

Что-то тянется, вибрируя, из моей груди.

Поднимается ветер, такой мощный, что сбивает солдат с ног. Направляемая неведомой силой, налетает песчаная буря и ослепляет врага.

Даже в хаосе дымки и песчаной завесы я отчетливо вижу открытый мамин глаз и слышу в голове ее голос: «Беги, Алтан».

Я хватаю сестру за руку и тащу за собой, устремляясь в гулущую кружащегося вихря и совсем не разбирая дороги. Ладонка у малышки скользкая, но я держу.

Как же много песка! Он царапает лицо. Забивается в нос, туманит взгляд.

Не могу дышать.

Рывок.

Сестра тянет меня назад.

«Нет, продолжай бежать!» – хочу крикнуть ей, но мой рот полон песка, и не получается вымолвить ни слова.

Еще один детский пальчик выскальзывает из моей хватки. Нельзя ее отпускать!

Нельзя.

Очередной рывок.

Наши руки разъединяются, и она исчезает.

Я резко просыпаюсь, дрожащее тело покрыто потом. Немой крик замирает у меня в горле.

На мгновение я забываю, где нахожусь. И *кто* я такой.

Но в следующий миг возвращаюсь в реальность.

Мне больше не восемь, и я не убегая от солдат, ведомых человеком с тающим лицом и глазами ворона. Я не тащу за собой сестренку, которая кричит и упирается, желая вернуться к матери. И песок больше не туманит взгляд. Не пытаются уничтожить нас.

Засыпать по самую макушку.

Мне не нужно раскапывать его, снова и снова выкрикивая имя сестры, до тех пор, пока не вырву себе все ногти, а пальцы не начнут кровоточить.

Затем накрывает осознание, что у меня больше нет сестры.

В таверне не раздаётся ни единого звука, а затаившиеся по углам тени играют странные шутки с моим разумом. Я пытаюсь понять, где нахожусь. Ночь безмолвна. Такого рода тишина мне слишком хорошо известна. Обхватив голову руками, я вслушиваюсь в собственное прерывистое дыхание, медленно считаю про себя и пытаюсь забыть, что застрял в городе, который живьем поедает пустыня.

Песок.

Малюсенькие невесомые песчинки, заставляющие снова ощущать себя восьмилетним парнишкой. Со времени побега минуло целых десять лет, но собственные страхи до сих пор преследуют меня среди зыбучих песков.

Я заглушаю крики матери, забываю то мгновение, когда ручка сестры выскользнула из моей. Давным-давно я пообещал себе, что больше не стану лить по ним слезы. Теперь, вернувшись в земли, где зародились мои ночные кошмары, я изо всех сил стараюсь сдержать это обещание.

Чтобы утешиться, я касаюсь висящего на обнаженной груди амулета. Ищу в себе силы сделать то, что должен. Нефрит на ощупь холоден даже в одуряющей жаре пустыни.

Наконец я встаю с кровати и, открыв окна, всматриваюсь в ночь. Высоко в небе сияет луна, призрачный свет которой заселяет землю причудливыми тенями.

– Сарангерель.

Я давно не произносил имя сестры. Сейчас ей исполнилось бы восемнадцать, как и мне. Имея кожу и волосы насы-

ценного золотисто-коричневого оттенка, как у северного народа матушки, мы, даже будучи детьми, разительно отличались от бледнолицых, черноволосых жителей Империи Ши. Из-за внешности некоторые считали нас недостойными королевскими отпрысками, несмотря на то, что наш отец был императором.

– Сарангерель, – снова повторяю я надтреснутым голосом, – мне очень, очень жаль.

«Я прощаю тебя», – слышится мне в голосе ветра.

С моих губ срывается громкий веселый смех. Хотя пески и населены призраками, ответили мне вовсе не они, а собственное воображение, отягощенное чувством вины и жаждущее избавления.

– Ослабляешь защиту, а?

Я быстро разворачиваюсь и выбрасываю вперед руку. Вижу сверкающий в темноте металл, который сам по себе парит в воздухе.

– *Расслабься*, это всего лишь я.

Из темного угла выплывает фигура, держащая в руке мой кинжал.

– Ад тебя разбери! Что ты здесь делаешь? – Я выдыхаю и сжимаю руку. На кончиках пальцев медленно разгорается пламя, от которого я зажигаю светильник.

Комната озаряется светом, и в нем отчетливо проступает лицо в форме сердца. Тряхнув волосами, Тан Вэй с такой силой втыкает клинок в деревянную столешницу, что чашки

протестующе звякают. Она усмехается, ставит ногу на сиденье стула и, упершись локтями в колено, принимается как ни в чем не бывало поигрывать собственным кинжалом с кривым лезвием.

– Ты проиграл. *Снова.*

Я выпускаю громкий стон. Теперь какое-то время Тан Вэй будет упиваться победой. Мы с детства играем в игру под названием «Застань другого врасплох». Сначала потому, что наши заботливые наставники частенько натравливали нас друг на друга, чтобы отшлифовать навыки кулачного боя. Со временем это превратилось во что-то вроде соревнования, по большей части дружеского. Хотя она была близка к тому, чтобы, пощекотав кинжалом мне шею, пустить кровь.

– И давно ты за мной наблюдаешь?

– Достаточно давно. – Выражение ее лица делается серьезным. – Очередной кошмар?

Я одеваюсь и пристраиваю на глазу повязку. Тан Вэй не морщится при виде моих шрамов, они давно стали для нее привычными. Как и эта узкая полоска ткани сделалась частью меня.

Чай уже остыл, но я все равно наливаю себе чашку и под пристальным взглядом Тан Вэй залпом ее осушаю. Не хочу, чтобы девушка разболтала Шифу о моей слабости.

А ведь он предупреждал меня, говорил, чтобы держался подальше от пустыни. Советовал искать собственный путь.

«Это твой выбор. Только знай, что у любого выбора есть

последствия. Не забывай прежде оценить результаты собственных поступков», – отчетливо, как колокольчик в ночной тиши, звучит у меня в голове голос мастера Сунь Ти Му. Мне очень хочется доказать, что он ошибался, что я сделал правильный выбор.

– Так зачем ты здесь? – снова спрашиваю у Тан Вэй.

– Нянькой решила поработать, – она изгибает бровь, – при тебе.

– И чье это распоряжение? Моего наставника или твоего?

Изогнутый кинжал исчезает у нее в рукаве, а сама она садится на деревянный стул и разглаживает складки юбки.

– Вообще-то обоих. Мастер Сунь и старейшина Хун Фэн, похоже, считают твой выбор опрометчивым. Никто не знает наверняка, жив ли феникс. Слухи о его крике мог распустить суеверный крестьянин или ушлый трактирщик, желающий привлечь клиентуру в свою захудалую горную деревеньку.

– Это Шифу прислал тебя ко мне, чтобы разубедить? У тебя ничего не выйдет, сама понимаешь.

Уголки губ Тан Вэй подрагивают.

– Всем известно, что ты упрям, точно буйвол. Меня отплатили охранять тебя.

Я презрительно усмехаюсь.

– Ты же не наделена магией. Я и сам прекрасно могу себя защитить.

– Тем не менее я целых пять минут наблюдала, как тебя терзают ночные кошмары. – Она усмехается. – А тебе из-

вестно, что твой угрюмый вид исчезает, когда ты спишь? Без него ты выглядишь более привлекательным. Постарайся как можно дольше не хмуриться, и, возможно, какая-нибудь девушка влюбится в тебя, Золотой Мальчик.

— Помнится, мы договаривались, что ты прекратишь меня так называть. — Она много лет так ко мне обращалась, преимущественно из-за цвета волос, но это прозвище слишком похоже на данное мне при рождении имя, поэтому произносить его вслух небезопасно. Особенно с учетом того, что я планирую совершить.

— Привычка, что поделать. Договорились, *Алтан*. Просто к сведению: твое настоящее имя нравится мне гораздо больше.

— Только вот твое мнение для меня ничего не значит.

— Лжец.

Я не отрицаю очевидного. Мы с Тан Вэй дружим с восьми лет. Я познакомился с ней вскоре после того, как Шифу нашел меня в пустыне. Хотя она присягнула на верность секте Лотоса, а я — усыновившему меня клану Сунь, мы вместе росли в Южных Колониях.

Мой Шифу — совершенствующийся и тяньсай, а наставница Тан Вэй, старейшина Хун Фэн, тоже совершенствующаяся, а еще возглавляет тайное общество наемных убийц, состоящее исключительно из женщин. И пусть сама старейшина не тяньсай, она давняя приятельница Шифу и поддерживает наше дело.

Тан Вэй всегда могла положиться на сестер из секты, с которыми делила радости и горести. Я же по большей части в имении Сунь находился один. Ей нравится считать себя моей близкой подругой, и думаю, в этом девушка недалеко от истины. Но ей я в этом никогда не признаюсь.

– Скорее всего, ты не захочешь услышать, что я думаю о твоих глупых устремлениях... – начинает она.

– Сама же только что назвала их глупыми...

– Мне кажется, ты очень смелый. – Я так сильно удивлен, что даже не нахожусь с ответом. – Неразумный, – тем временем продолжает Тан Вэй, – но отважный. Легенда гласит, что в мире есть всего два Духовных Зверя: один в море и один в небесах. Встреча с любым из них способна свести человека с ума. Я пошла бы с тобой в горы Удин, даже не получив приказа сопровождать тебя. – Посмотрев на меня, она закатывает глаза. – Сотри с лица это сентиментальное выражение. Я сопровождаю тебя лишь затем, чтобы, если ты и вправду повредишься рассудком, сказать, что предупреждала тебя.

Посмеиваясь, я наливаю ей остывшего чая.

– Ты прибыла сегодня ночью? Пару месяцев назад Шифу упоминал, что ты отправилась в столицу. Увиделась там с Линьси?

При упоминании имени возлюбленной Тан Вэй улыбается еще шире, и в ее глазах загораются искорки.

– Да, *виделась*. А здесь я уже около часа.

Линьси не принадлежит к секте Лотоса, и она не тяньсай,

но все же одна из нас. Магия – это не знак отличия, она не передается по наследству, не подчиняется классовому признаку и с равной долей вероятности может проявиться и у аристократа, и у крестьянина.

Много лет назад отец Линьси, занимавший в то время высокий пост в столице Ши, был вынужден разоблачить свою жену-тяньсай и присягнуть на верность императору Гао Луну, чтобы спасти дочь от лап священников, хотя у нее никаких магических способностей не было и в помине. Вслед за тем его отлучили от императорского двора и отправили в колонии. Ему еще повезло, что язык не отрезали и не послали рабом на галеры. Я отлично понимаю мотивы Линьси.

Ее жажду мести.

– Как ей живется во дворце? Есть ли новости для нас? – интересуюсь я.

– Судя по всему, придворная служба оказалась менее захватывающей, чем она ожидала. Наложницы хорошо к ней относятся, хотя она всего лишь фрейлина. Но теперь, когда Гао Лун умер, думаю, они начнут плести интриги, чтобы сохранить свое место. Ни одной из наложниц пока не удалось произвести на свет наследника трона, поэтому велика вероятность, что вдовствующая императрица всех прогонит.

– Мне дела нет до наложниц. Это Чжэньси убила Гао Луну? – спрашиваю я, не трудясь озвучивать почетные титулы, поскольку ни мой дядя, ни тетя их не заслуживают, как и своего статуса.

– Линьси не уверена. Придворным лекарям так и не удалось выяснить, что явилось причиной недуга Гао Луна. Официально было объявлено, что он умер от инфекции. Но, – Тан Вэй выдерживает драматическую паузу, – Чжэньси уверяет, что ухаживала за ним в недели, предшествовавшие его смерти. Кое-кто из слуг клянется и божится, что она просиживала у постели императора с рассвета до заката и лично проверяла, чем его кормят. А ему становилось все хуже.

– Даже если она и отравила негодяя, мне его ничуть не жаль. – Мысль, что Гао Лун умер той же смертью, какую уготовил для отца, опьяняет.

– Я слышала, что принц очень интересуется искусством исцеления. Он обучается у королевских лекарей и даже, если верить слухам, собственноручно создает лекарственные снадобья.

– Намекаешь, что убийцей мог быть *он*? – я удивляюсь, неожиданно ощутив острый укол боли в желудке. Несмотря на события прошлого, мне трудно поверить, что Тай Шунь взял на себя грех отравить собственного отца.

– Я лишь посоветовала Линьси внимательнее присматривать за ним. Возможно, ей удастся найти способ подобраться к нему поближе. – Перспектива того, что ее возлюбленная окажется замешанной в опасные шпионские игры, отнюдь не приводит Тан Вэй в восторг. Однако она хочет поквитаться со священниками Дийе, а единственный способ побороть их – сместить мнимых правителей империи.

– А что нам известно о том, кого величают Тенью императора? О Чжао Яне?

– Для начала вспомним общеизвестные факты: прославленный герой войны, приобретший власть в последние годы, при Гао Луне был главным стратегом. Семьи нет, во всяком случае, никто о ней не слышал. В общем, ничего, что можно было бы использовать в качестве рычага воздействия. – Она прищуривается. – *И все же* не переживай: Линьси добудет нам нужные сведения.

– Хорошо. Шифу полагает, что перемирие с Хонгуоди может быть отвлекающим маневром.

– Этому перемирию меньше двух недель. Люди не обрадуются, случись очередное столкновение. Неужели Чжэньси не хочет сохранить мир?

Сознание пререзает острое, как бритва, воспоминание, и перед моим мысленным взором предстает лицо тети.

– Священники в ее распоряжении. Зачем утруждаться, завоевывая народную любовь, когда можно править, наводя на всех ужас?

– Что ж, отлично. Итак, у нас новая правительница, которая, весьма вероятно, ради трона прикончила собственного мужа. Судя по всему, она еще хуже, чем он. Кроме того, нам следует опасаться Тени императора, который может помочь ей развязать новую войну. – Тан Вэй пощипывает себя за переносицу. – О боги! Я слышала, что новый главный священник еще более жестокий, чем его предшественник. Потому и

облавы на тяньсай участились. Они вознамерились всех вас уничтожить.

— Гао Лун как будто старался взять реванш за мирное царствование моего отца. Неудивительно, что Чжэньси продолжает традицию, — с горечью замечаю я.

Священники Дийе верны трону Дракона и связаны торжественной клятвой служить ему. Они десятилетиями истребляли тяньсай, пока мой отец не положил конец их зверствам. Только вот этим благонамеренным действием он нажил себе массу врагов.

Тан Вэй вздыхает.

— Дворец заявляет, что именно по вине проклятых в этом году нет дождей. Но мы-то с тобой знаем правду. Это из-за распространения темной магии, так ведь?

Я мрачно киваю. Путешествуя, я не раз находил следы злодеяний своего прадедушки: целые леса деревьев с искривленными стволами необычного белого цвета. Холодные и неподвижные, они походили на бесформенные кладбищенские статуи, присыпанные жухлыми листьями. Заброшенные плуги ржавели посреди полей, некогда плодородных, а теперь иссохших до желтизны, посреди полей, на которых уже никогда ничего не вырастет.

Вокруг царят запустение и смерть.

Легко обвинить во всем тяньсай, потому что только магии по силам причинить такой урон земле. Священники и дворец отлично постарались, стерев из памяти подлинную ис-

торию Империи. Свитки можно сжечь, слова уничтожить, а писцов убедить создать новые книги – новое прошлое, которое будет полностью отвечать целям тех, кто стоит у власти.

Историю пишут не жертвы, а победители.

Я с силой сжимаю руки в кулаки. Мой *собственный* прадед, Юнь Лун, лично нанес урон и своей земле, и завоеванным. Причинил страдания людям. Семьям. Детям. Все это натворил *мой* кровный родственник. По примеру отца, я должен найти способ искупить грехи своих предков.

– Ты выяснила имя главного священника? – интересуюсь я.

– Пока нет. Он чрезвычайно осторожен и не хвастает прилюдно властью, как делал его предшественник.

– Умен, значит. Ему и в самом деле безопаснее работать, оставаясь в тени, – соглашаюсь я без капли восхищения. Предыдущий главный священник был убит, а виновного так и не нашли. Возможно, то был очередной захват власти.

Тан Вэй нюхает чай и, скривившись, отодвигает чашку.

– Раз уж мы начали делиться новостями, скажи-ка, слышно ли что о Похитителе Жизни?

Я угрюмо качаю головой.

– Шифу задействовал все имеющиеся в его распоряжении средства, но мы ни на шаг не приблизились к разгадке личности этого человека.

В моей груди волной поднимается раздражение. Похитителю Жизни отводится ключевая роль в нашем плане свер-

жения Дийе и восстановления на троне Дракона истинного наследника. Некоторые считают, что Похититель – просто легенда, но даже в сказаниях содержится доля правды. Так, последним Похитителем Жизни был мой прадед, тот самый, который навлек проклятие на землю.

А новый должен остановить наступление пустыни. Такое по силам одному ему.

– Шифу полагает, что когда найдет Похитителя Жизни, сумеет убедить его встать на нашу сторону.

Тан Вэй склоняет голову набок.

– А ты так не считаешь?

У меня в душе шевелится червячок сомнений. Последний Похититель Жизни выбрал конфликт, и это стало роковой ошибкой. Он, конечно, победил, но его решение повлекло за собой войны длиной в целый век, истребившие многие народы и нанешие урон земле.

– Мне известна наша история.

– И что будешь делать, когда ты или мастер Сунь найдете Похитителя Жизни?

– То, чего ожидает от меня Шифу. Буду сотрудничать с ним, дабы найти меч света.

– Не будет ли это сродни тому, как если бы тигру дали крылья? – задумчиво произносит Тан Вэй. – Похититель Жизни и без того могущественный. Получив меч, он может натворить невообразимых бед.

– Выбора все равно нет, – отрезаю я, и она умолкает. Мне

требуется помощь Похитителя Жизни, чтобы отыскать Белый Нефритовый меч ⁶, древний артефакт тяньсай, который, как говорят, способен побороть темные силы. Только он может прогнать черную магию с наших земель, и лишь Похититель Жизни умеет с ним обращаться.

– Поэтому ты отправился на поиски феникса? Говорят, что Духовный Зверь способен исполнить самое заветное желание. Ты намерен узнать личность или местонахождение Похитителя Жизни?

– Нет, хочу стать неуязвимым для его магии. Когда найду его, неплохо бы обладать преимуществом на случай, если что-то пойдет не так.

Тан Вэй медленно кивает, не сводя глаз с моего лица.

Интересно, она мне поверила или догадалась, что я лгу?

Неуязвимость требуется мне по другой причине. Я намерен убить Похитителя Жизни.

После ухода Тан Вэй снова заснуть мне так и не удастся. Я

⁶ Нефрит, а именно: белая его разновидность, также называемая «баранье сало», в китайской культуре ценился дороже золота. Ассоциировался с душой и бессмертием.

открываю окно, морщась от глухого скрипа заржавевшей задвижки. Узкий подоконник выглядит достаточно прочным. Я высовываюсь наружу, хватаюсь за карниз и легко подтягиваюсь, упираясь ногами в выщербленную терракотовую черепицу, устилающую крышу таверны.

Ребенком я частенько забирался на кровлю императорского дворца и украдкой наблюдал оттуда за слугами и чиновниками, спешащими по своим делам. Такой рискованный подъем я совершал ради возможности побыть в одиночестве, и оно того стоило.

Вспоминая об этом сейчас, понимаю, что всякий раз мне удавалось проделать этот трюк исключительно благодаря собственному упрямству и наивному отсутствию страха. Дети не боятся падать, это жизнь впоследствии убеждает их в обратном.

Я склоняюсь к крыше таверны, пытаюсь унять вихрь противоречивых мыслей в голове. По ночам меня часто терзает острое, как бритва, чувство вины. Я думаю о том, какое количество жизней загубили мои предки и дядя, сколько семей разрушили, какой урон нанесли земле...

Со вздохом я устремляю взгляд в небо цвета индиго.
Сын Небес.

Так мы называем императора. Именно по этой причине войска без колебаний следуют за ним на битву, повинуются его прихотям и желаниям. Для большинства моих соотечественников слово императора – непреложная истина, и свя-

щеники Дийе из всех сил поддерживают этот миф.

Мой отец долгие годы восседал на троне Дракона, а потом это место занял его брат, Гао Лун. В то время Империя Ши пребывала в мире с соседями. Тяньсай жили без страха, а Дийе не имели никакой власти. Отец никогда не считал себя воплощением бога на земле, что бы там ни провозглашали древние традиции.

Из-за этого убеждения он заимел куда больше врагов, чем сторонников.

Всем сообщили, что наемный убийца из Хонгуоди прикончил его во сне. Гордость Ши взывала к возмездию. Так называемого виновника казнили, а войска Ши направились в рубиново-красные земли Хонгуоди.

Кругом сплошная ложь.

Не было никакого наемного убийцы из Хонгуоди, а лишь какой-то несчастный, на кого возложили вину. Смерть императора послужила удобным предлогом вторгнуться в богатые железной рудой западные города.

Отец пал жертвой собственного брата. Брата, которого любил и лелеял, которого считал равным себе. Брата, который под предлогом сохранения безопасности народа в непростые времена тут же занял трон.

Еще одна ложь.

На самом деле он просто узурпировал престол.

Единственный способ льву возглавить прайд – избавиться от детенышей своего соперника. Вот и преданных отцу лю-

дей либо казнили, либо отправили в изгнание, а за нами дядя отправил убийц.

Официальная версия нашего с сестрой исчезновения звучала так: обезумевшая от горя мать убила сначала собственных детей, а потом наложила руки на себя. И где-то среди королевских могил зарыт мой пустой детский гробик.

Для мира я мертв. Пусть так продолжается и впредь.

Последние лучи лунного света ласкают мое лицо, и вскоре из-за горизонта показывается солнце. Я потягиваюсь, собираясь лезть обратно, но тут внимание привлекает какое-то движение внизу.

В город входит группка людей в ржаво-оранжевых балахонах, зловеще сверкающих в лучах рассвета, и целенаправленно движется по пустой главной улице.

Дийе здесь.

Глава 3

АН

Наконец-то в этом убогом местечке забурлила жизнь. В отличие от рынка, где местное население продает с тележек готовую еду, овощи и всякую всячину, на ярмарку съезжаются купцы и торговцы со всей Империи и даже из других государств, чтобы обменяться новостями и товарами. Прежде Шамо считался важной частью маршрута, но война и пустыня все изменили. Уже несколько лет городок не знал такого оживления и восторга.

Несмотря на ранний час, ярмарка деловито бурлит. На прилавках торговцев тканей всеми цветами радуги переливаются шелка. Разные диалекты и акценты сливаются в общий мелодичный гул, в воздухе витают ароматы специй и еды. Купцы толкают друг друга, расхваливая свой товар, вокруг снуют местные жители и приезжие, предлагая обмен. Я сжимаю пальцами нефритовый перстень в кармане и брожу по главной площади, выжидая подходящую возможность, чтобы продать его.

Замечаю продавца с ящиками сочных фруктов, собранных, вероятно, на севере или на юге, за самым проливом Нанда, где почва пока не утратила плодородности. Золотистые абрикосы, бледно-желтые помело, а также не виданные мной прежде крупные шипастые плоды и мелкие лиловые. Заин-

тригованная, я беру один и подношу к глазам. Он размером с маленький апельсин, с твердой кожицей, покрытой красноватыми пятнами. Тщедушный торговец занят другим покупателем и не заметит, если я спрячу фрукт в карман.

— Я все видел, — провозглашает резкий голос у меня за спиной, когда я так и делаю.

Поспешно разворачиваюсь, ожидая, что это снова Ли Го, но передо мной не он, а парень года на два старше.

Он взирает на меня левым глазом, карим с золотистым ободком. Правый же скрыт черной повязкой, а по щеке под ним расплзается паутина безобразных шрамов. Однако это ничуть не умаляет суровой красоты его лица. На нем *ханьфу* цвета олова с серебристыми завитками на перекрестном лацкане воротника, а верхний халат черный, как смола, с бордовой оторочкой по краю. Полнейшее нарушение имперского указа о днях скорби. Либо этот парень иноземец, либо ему на все плевать. Рукава у него скрыты кожаными нарукавниками, расшитыми металлическими бусинками и нитями цвета крови. Аристократы щеголяют своим богатством, драпируясь в шелка с длинными рукавами, а у простых купцов или крестьян вроде меня рукава куда более скромной длины, да и одеяния из конопляных или хлопковых тканей.

Только борцы да совершенствующиеся предпочитают такие узкие рукава, как у этого юноши.

Я не удивляюсь, заметив у него за спиной перекрещенные сабли и притороченный к поясу колчан со стрелами. Лук ви-

сит на плече, как продолжение тела хозяина. Ума не приложу, зачем понадобилось так вооружаться. Какова бы ни была причина, лучше мне держаться от этого незнакомца подальше. Поджарый, он похож на подобравшегося перед прыжком тигра, и я даже на оживленной улице чувствую себя загнанной в угол жертвой.

«Не глупи. Вооруженный или нет, он всего лишь мальчишка». Я по-прежнему стою у прилавка, поэтому вполне могу положить плод назад и уйти как ни в чем не бывало. Только вот вопреки всему дерзко смотрю на парня.

– И что же ты видел? – Хвала богам, голос у меня не дрожит.

Не сводя с меня глаз, незнакомец отступает, и я замечаю пролегшую у него между бровями складку.

– Ну, говори уже, что видел-то? – напираяю я.

Пропустив мой вопрос мимо ушей, он берет другой фрукт и, откашлявшись, советует:

– Попробуй лучше этот. Обрати внимание на цвет – насыщено-фиолетовый – значит, мангустин созрел. – На языке Ши парень говорит со странным акцентом, звучащим как нечто среднее между приятной мелодикой жителей восточных городов и более округлыми гласными северян. – Вот, пощупай.

Он вкладывает плод мне в руку, легонько коснувшись кончиками пальцев моей ладони. Я вздрагиваю, а он усмехается и резко поворачивается к торговцу.

Я украдкой изучаю его профиль, отмечаю точеную линию подбородка. Должно быть, он красивый. Но ничего необычного. Такого, от чего сердце замирает в груди.

– Покупать будешь? – обращается ко мне продавец.

Я неловко улыбаюсь.

– У меня нет денег...

– Тогда держи свои грязные лапы подальше от моих товаров, – рявкает он.

Торговец уже тянется ко мне, чтобы отнять мангустин, но парень перехватывает его руку, переворачивает ладонью вверх и кладет на нее несколько монет. Тот немедленно успокаивается и даже несколько раз кланяется, предлагая приобрести еще фруктов. Однако незнакомец подхватывает свою котомку и шагает прочь.

Горло у меня горит от досады. С чего это он проявил такую щедрость? Не хочу ничем быть ему обязанной!

– Эй! – кричу я и бегу следом за ним. – Это твое.

Я пытаюсь отдать парню мангустин, но тот лишь отмахивается.

– Возьми себе.

– Заплатил-то за него ты.

– Считай, что это тебе подарок.

– Но мы ведь даже не знакомы.

Он пожимает плечами.

– Нет закона, запрещающего делать подарки незнакомцам.

Я собираюсь возразить, но соображаю, что аме будет приятно попробовать экзотический плод, поэтому умолкаю и иду дальше. Не знаю, это я преследую парня или он меня, но вдруг оказывается, что мы шагаем в ногу.

Теперь, перестав хмуриться, он выглядит менее опасным. Высокий и широкоплечий, парень явно питается куда лучше любого жителя Шамо или моей деревеньки. Думаю, он выходец из Менгу, обычно у них кожа теплого золотисто-коричневого цвета, да и волосы он носит на манер северян: затылок и виски коротко выбриты, а на макушке хвостик, перевязанный красной ленточкой. Интересно, как он лишился глаза? Спрашивать о подобном незнакомого человека невежливо, поэтому я воздерживаюсь.

Он замечает мое пристальное внимание.

– Что привело тебя в Шамо? – ляпаю я первое, что приходит в голову, теребя косу.

– Просто шел мимо. Я здесь впервые. А тебя?

– Ярмарка.

Я поступлю мудро, завершив на этом разговор и отправившись на поиски покупателя для своего перстня. Однако, похоже, здравомыслие напрочь утрачено. Парень отводит взгляд, а я снова пялюсь на него. В свете лучей утреннего солнца его волосы кажутся золотыми, как и кожа. Он двигается, поэтому угол освещения меняется, и его шевелюра снова приобретает привычный рыжевато-каштановый оттенок.

Сообразив, что снова глазею на него как дурочка, я отча-

янно краснею. Ладонь покалывает в том месте, где незнакомец до нее дотронулся. Я вытираю ее о юбку и жестом указываю на стоящие повсюду шатры, мучительно придумывая, что бы сказать.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– Занятно.

Я едва не фыркаю.

– Занятно? А в твоём родном городе бывают ярмарки?

Вообще, откуда ты?

– Отовсюду и ниоткуда.

– Как загадочно ты выражаешься.

– Это я нарочно, – с кривоватой усмешкой признается он.

Я улыбаюсь в ответ, и долгое мгновение мы смотрим друг другу в глаза. *«Перестань таращиться и сосредоточься»*, – увещевает меня голос разума. Мне следует поторопиться, чтобы успеть обойти ещё несколько рядов шатров, если хочу продать перстень сегодня. Ночью аме снова было плохо, ей срочно требуется лекарство.

– Думаю, мне пора идти, – неуверенно произношу я.

Мы оба останавливаемся, но не делаем попытки пойти каждый своей дорогой. Я так сильно сжимаю мангустин в руке, что начинаю опасаться, как бы не раздавить его. Парень поправляет на плече котомку с фруктами, бросает на меня взгляд, потом опускает глаза и кивает каким-то своим мыслям.

– Что ж, хорошо. Мне тоже нужно... идти.

– Желаю хорошо провести время на ярмарке, – небрежно бросаю я, ощущая стекающую по пальцам влагу, и поспешно прячу руку за спину, чтобы он не увидел, что я погубила его подарок.

– Постараюсь.

Только вот незнакомец по-прежнему не двигается с места. Судя по виду, он хочет еще что-то сказать. Мои ноги будто прирастают к земле, а сердце колотится, как после быстрого бега.

– Не хочешь ли узнать свою судьбу, золотко? – выводит меня из транса вкрадчивый голос, и я испытываю облегчение.

Старая женщина манит меня из шатра, в котором виднеется небольшой алтарь, стоящий на красном деревянном возвышении. Ее седые волосы выглядят мягкими, как облачко, а в заколках поблескивают драгоценные камни. Мне становится интересно, подлинные ли они. На алтаре в окружении свежих персиков стоит фигурка, в которой я не сразу узнаю богиню Сивангму, повелительницу Западного Поднебесного Королевства.

– Нет, спасибо, *ано*, – вежливо отказываюсь я.

Должно быть, она предсказывает будущее по лицу. Некоторые читают по ладони, другие используют магический шар. Я не верю их словам и продаваемым ложным надеждам, вообще не понимаю, на что живут эти люди. Похоже, в мире полно простаков, согласных платить за их услуги.

– Ты что-то ищешь, – наводит туман старушка. Что ж, верно, угадала. Это беспроигрышный вариант – сказать такое незнакомцу, чтобы показаться сведущей. Я невольно усмехаюсь, а старушка качает головой. – Не ты, *сяомэй*. Я говорила *о нем*.

Парень напрягается, выражение его лица делается непроницаемым.

– Ты неверующая, – сообщает мне прорицательница. – Это нормально. Не всякий наделен даром видеть. И не всякий понимает.

Звучит как оскорбление, но все же я решаю подыграть.

– Прошу вас, *ано*, удовлетворите мое любопытство, скажите, что вы видите?

– Как пожелаешь. – Она пристально всматривается в мое лицо, и морщины у нее на лбу становятся глубже. – Вижу нефрит, вижу огонь... и *золото*. Все они тесно связаны. Нефрит не плавится в огне, а золото... золото тянется за тобой, и красная нить судьбы удерживает тебя в целости.

Я громко хохочу.

– За *мною* тянется золото? Да я всю жизнь прозябаю в бедности, и в ближайшее время ситуация едва ли изменится.

Старушка поджимает губы и отворачивается от меня.

– Вот ты где! Я повсюду тебя ищу. Ох, и долго же ты фрукты покупаешь! – раздается еще один голос у меня за спиной.

В шатер входит хорошо сложенная девушка с лицом в форме сердца, и я отступаю назад, напуганная толстыми же-

лезными цепями, опоясывающими ее талию. Волосы у нее на затылке собраны в высокий пучок, закрепленный двумя деревянными палочками с острыми металлическими наконечниками, а спереди распущены и свободно свисают до плеч. Рукава ее фиолетового *ханьфу* тоже узкие. Должно быть, и она принадлежит к воинам.

Девушка украдкой рассматривает меня из-под густых ресниц.

– А *это* кто?

– Никто. Идем, – холодно велит парень, не глядя на меня.

Никто.

Это замечание не должно было ранить меня, но все же ранило.

Девушка улыбается и берет незнакомца под руку. Я стою и наблюдаю, как они уходят, лавируя в толпе, и мне никак не удастся забыть его жалящие слова.

Предсказательница сочувственно вздыхает.

– Какое имя тебе дали при рождении, *сяомэй*?

Я наконец отрываю взгляд от удаляющейся парочки.

– Я приемыш и не знаю имени своей семьи. Мою бабушку зовут Цзя, а меня – Ан.

– Каково начертание *Ан* в древних манускриптах?

– Не думаю, что у него имелось соответствие в мертвом языке.

Старуха подается вперед и, схватив меня за руку, внимательно всматривается в ладонь.

– Интересно. Видишь ли, золотко, в древнем манускрипте есть слово, похожее на твое имя. В зависимости от начертания оно может означать мир... или тьму.

Несмотря на удушающую жару, по позвоночнику вдруг пробегает холодок. Я резко высвобождаю ладонь из ее рук и поспешно шагаю к другому ряду шатров, спиной ощущая нацеленный на меня взгляд.

После непродолжительных поисков замечаю поспешно нацарапанные на деревянной табличке символы, гласящие:

«Продаем и покупаем антиквариат и безделушки».

В этом шатре царит беспорядок, а купец ведет яростный торг с двумя дородными дядьками, которые пытаются добиться лучшей для себя цены и, похоже, скоро получают желаемое.

Хорошая мишень.

Подойдя ближе к одному из длинных столов, на которых выставлены товары, я принимаюсь рассматривать их. Меня искушает абак⁷ с костяшками из красного дерева и идущим по краям узором в виде тонких золотых листочков. Как и бронзовые ритуальные сосуды разного размера, и хрупкие фарфоровые чашки, расписанные кобальтово-синими цветами. Без сомнения, все эти вещицы награблены в домах знати в военное время.

⁷ Абáк – семейство счетных досок, применявшихся для арифметических вычислений в древних культурах – Древней Греции, Древнем Риме, Древнем Китае и ряде других.

С какой легкостью я могла бы стянуть что-нибудь! Но нельзя! Я пришла сюда, чтобы продать свой нефритовый перстень, а не красть побрякушки.

Однако я не спешу доставать кожаный мешочек из кармана, тереблю его пальцами. Не хочется расставаться с единственным доказательством того, что мои родители вообще существовали на свете. Что некогда я была чьей-то дочерью. Я делаю глубокий вдох, и боль в груди отступает. То было прежде. Важно лишь настоящее. Нужно выбросить из головы мысли о прошлом. Аме требуется лекарство, и единственный способ добыть денег для его покупки – продать перстень.

Поворачиваясь к купцу, я замечаю вспышку красного.

На самом краю другого стола лежит *цзянь*⁸, поистине прекрасное оружие с длинным узким лезвием и тонким острием. Мягкое серебристо-серое сияние металла говорит о том, что меч выкован из иноземного металла, какого не сыскать в нашем бедном засушливом регионе. Мое внимание привлёк кроваво-красный рубин, украшающий изящную рукоятку. Вероятно, за него, обладающего таким насыщенным цветом, дадут хорошую цену. А ведь его несложно продать. Пожевывая внутреннюю сторону щеки, я сосредоточенно размышляю.

Продать перстень или украсть меч?

⁸ Китайский прямой меч, в классическом варианте с длиной клинка около метра.

Купец лихорадочно копается в большом деревянном ящике и, звякая металлом, достает еще какой-то интересующий дородных покупателей предмет. Должно быть, что-то важное, судя по тому, с какой поспешностью дядьки поворачиваются ко мне спиной, чтобы изучить новое сокровище.

Я опускаю кожаный мешочек обратно в карман, беру меч и шагаю к выходу из шатра, готовясь спрятать добычу под одеждой. Пульс у меня учащается. Когда я уже решаю, что удалось безнаказанно улизнуть, сзади раздается крик:

– Где мой меч?

И это точно не купец.

«Проклятие! Неужели я обокрала этих дородных дядек»?

– Где он? – завывает зычный голос.

Я заставляю себя шагать, не сбавляя темпа. Бежать уже поздно, иначе станет слишком очевидно.

– Он лежал вот здесь! – подобострастно лопочет купец.

– Эй ты, девчонка с косами, а ну-ка, повернись!

Замерев на месте, я лихорадочно обвожу глазами толпу.

Увы, но единственная, кто подходит под это описание, – это я сама.

Кровь в жилах ускоряет бег, когда я ныряю за прилавки. Лавируя между шатрами и расталкивая людей, я несусь через площадь. Вслед мне летят крики и проклятия. Наконец я заворачиваю за угол...и *о боги!* Путь мне преграждает неспешно бредущий караван верблюдов. Погонщик тянет за веревку, которой животные связаны друг с другом, но

упрямцы не желают поторопиться, поэтому я мчусь в другом направлении.

Улицы становятся все более безлюдными, а у меня от быстрого бега начинает колоть в боку. Я оборачиваюсь с надеждой, что оторвалась от преследователей, но на некотором расстоянии от себя замечаю две мужские фигуры. Не разбирая дороги, ныряю в какой-то переулок. Споткнувшись о деревянные бочки, падаю на землю. Выставляю перед собой руки, обдирая их о грубые камни. Поднимаю голову и не могу сдержать ругательство.

Я в тупике.

Путь к свободе преграждает десятифутовая стена. Подползаю к ней и пытаюсь ногой нащупать выемки, но она оказывается на редкость ровной. Даже если удастся вскарабкаться на нее, можно сломать ногу, спускаясь с противоположной стороны. Видят боги, мне нельзя этого допустить, но иного выбора нет.

Не успеваю я даже попытаться, как сзади раздаются шаги. Мой желудок камнем устремляется вниз. Преследователи догнали меня и теперь преграждают единственный выход из переулка.

Эх, все же следовало продать треклятый перстень. Поддалась сентиментальности, и теперь приходится расплачиваться.

Тот из дядек, кто повыше, вытаскивает из-за пояса широкий меч. Этот мужчина мускулист и похож на воина. Его

спутник грузный, с пороссячьими глазками, уродливым шрамом на лбу и пикой в руке. Волосы у обоих коротко побриты, как у выходцев с юга, да и одежды не белые, как того требует объявленный в Империи траур. Торговцы, что ли? Высокий искусно вращает мечом, едва касаясь рукоятки пальцами. Уж не воины ли они? Я перевожу взгляд на его товарища, и у меня падает сердце. На его пике нет кисточек. Он не состоит в регулярных войсках.

Наемники.

Которые любят деньги. И *не* любят, когда их обворовывают.

– Это всего лишь крестьянка, Бану, – со смехом замечает коренастый дядька. На Ши он говорит с сильным акцентом, а потом и вовсе добавляет несколько слов на своем родном языке, от которых Бану издевательски посмеивается.

Бежать мне некуда, одолеть таких противников тоже не получится. Они крупнее меня, сильнее, к тому же искусно обращаются с оружием. А я кто? Уличная крыска, выживающая исключительно благодаря своей смекалке.

– Прошу вас, *добрый господин*, пожалуйста, простите меня, – чуть не завываю я высоким писклявым голоском. – Вы правы, я крестьянка, глупая девчонка, удумавшая украсть у бравого воина вроде вас. – Громко хлюпаю носом, гадая, не переигрываю ли. – Смилуйтесь, заберите ваш меч и сохраните мне жизнь.

Коренастый фыркает и, хлопнув мясистой рукой спутни-

ка по спине, обменивается с ним заговорщическим взглядом. Бану беззастенчиво осматривает меня с головы до ног и усмехается в ответ.

– Видишь ли, одного меча нам теперь уже мало.

Меня захлестывает волна отвращения, но я сдерживаю негодующий возглас. Этот меч не стоит ни моей жизни, ни иных мерзостей, которые они замышляют со мной сотворить. Выход один: спастись бегством. Я быстроногая, да и извилистые улочки, на которых выросла, будут мне союзниками.

На сей раз никаких тупиков.

– Прошу вас, доблестные воины, пощадите! Моя бабушка больна, мне нужно домой. Заберите меч и отпустите меня с миром, – всхлипываю, сама удивляясь тому, как правдоподобно получилось. Перед глазами встает недужное лицо амы, но я гоню этот образ прочь. *Найду* другой способ добыть ей лекарство.

– Ну уж нет, – с издевкой отзывается Бану.

Они медленно приближаются, и тут я чувствую в теле какое-то шевеление. В ушах появляется странный гул, перед глазами мелькают яркие огоньки. По венам пульсирует энергия, сердце с силой бьется о грудную клетку.

Боги, нет!

Ради нашего с амой благополучия я скрывала свою магию, и она долго дремала во мне, но теперь пробудилась к жизни. И в эту минуту поднимается внутри меня, жаждет вырваться

на свободу.

Лезвие меча затягивает тонким слоем льда.

Коренастый ругается на своем языке.

– *Магия!* Она наделена магией!

– Священник пообещал по золотому тaelю за каждую пойманную живой *девчонку* тяньсай, – рычит в ответ Бану, хватая меня за грудки и отбрасывая назад.

Я ударяюсь спиной о каменную стену с такой силой, что из легких выбивает весь воздух. Гул в ушах разрастается, будто тысячи цикад завели свою песнь после пролившегося на пустыню дождя.

Кажется, мир вокруг разжижается. От шока я не могу дышать.

Осознание происходящего затапливает разум подобно цунами, оставляя после себя разруху и опустошение. Чувства же обострены до предела.

Я вижу мир другими глазами. Окружающая обстановка выглядит острее и отчетливее. Небо чистейшего голубого оттенка, такого прекрасного, что больно смотреть. Солнце сияет с нереальной яркостью, заливая все вокруг потусторонним светом. Я даже слышу шорох гальки под ногами. В нос ударяет едкий запах пота, смешанный с каким-то другим, которого я не могу распознать. По венам пульсирует энергия, тело наполняет восторг. Я и не подозревала, что способна испытывать такое упоительное ощущение контроля над ситуацией.

Не знала, что *хочу* быть хозяйкой положения.

Гортанные хрипящие звуки пробиваются сквозь пелену восторга, и мозг не понимает, что показывают ему глаза.

Мои обидчики *светятся*.

От них исходит странное зеленоватое свечение, клубящееся подобно туману. Содрогаясь в конвульсиях, они держатся руками за шеи. Лица приобретают фиолетовый оттенок, а выпученные глаза наливаются кровью. Кожа слезает, обнажая плоть. Бану громко сдавленно вскрикивает и весь как-то сморщивается, ссыхается. Наконец, оба тела с глухим стуком падают к моим ногам.

Бездыханные.

Я ахаю и зажимаю рот рукой. Окружающий мир принимает привычные формы и очертания. От меня исходит тепло, преследуемое необъяснимым ледяным холодом, который тушит огонь в теле. Ощущаю себя опустошенной. Полой. Будто что-то проникло в меня и похитило самую суть того, кем я являюсь.

Руки дрожат. Мне холодно, очень холодно. Что сейчас произошло? Не похоже на мою магию. И на *меня саму* тоже. Это было нечто иное. Незнакомое. Напоминающее когтистую лапу, затягивающую меня в мрачные глубины океана, куда никогда не проникнет солнечный свет.

Воины.

Они превратились в трупы, которые выглядят так, будто... неужели это я с ними такое сотворила? Но *как*? Я ни-

когда никого не убивала.

«*Всегда бывает первый раз*», – звучит у меня в голове незнакомый голос, бархатистый и мрачный, словно безлунная ночь.

Неожиданно моя грудь взрывается болью. Я сгибаюсь пополам, и меня выворачивает наизнанку. Ноги подгибаются, поэтому оседаю на землю, обдирая и без того саднящую кожу.

– Это не я, – шепчу я в пустой переулок. – Я на такое не способна.

Возможно, если повторять эти слова снова и снова, будто молитву, боги прислушаются и вернут все, как было.

Дрожь усиливается. Меч в моей трясущейся руке – это тяжелое бремя, отягощенное жестокостью, которой он стал свидетелем. Я отбрасываю его и, испугавшись звона металла о камень, со всех ног бегу прочь.

Глава 4

АЛТАН

– Что ты сказала?

– Попросила передать грушу. Тебя что-то беспокоит? – усмехается Тан Вэй, забирая у меня котомку с фруктами. – Или, точнее, *кто-то*? Она хорошенькая, правда?

– Кто? – Я стараюсь сохранить непроницаемое выражение лица, хотя перед мысленным взором все еще стоит образ той девушки. Высокая, но очень худенькая. Ее явно не мешало бы как следует подкормить. Тонкие черты лица и бледность кожи особенно выделяются, контрастируя с чернотой волос. Честно говоря, выглядела она как привидение. Нет, красивой она мне не показалась.

– Ты прекрасно *знаешь*, о ком я говорю, но ладно, оставим это. – Тан Вэй откусывает грушу и переводит разговор на свою любимую тему – Линьси.

Я пропускаю ее болтовню мимо ушей, время от времени согласно кивая. Надеюсь, к месту. Видно, что подруга очень увлечена этой девушкой. Даже не верится, что раньше она заигрывала с первой встречной. И только познакомившись с Линьси, влюбилась и подарила ей свое безраздельное внимание.

Полчаса спустя мы приходим в таверну, а Тан Вэй *все еще* не умолкла. Я хватаюсь руками за голову. Неужели все влюб-

ленные ведут себя подобным образом? Бесконечно говорят о своих возлюбленных, которых мечтают снова увидеть? Переосмысливают каждое сказанное ими слово? Идут на жертвы, которые другие люди сочли бы глупыми?

Однажды после побега из дворца мы с сестрой спросили матушку, скучает ли она по дому и семье.

– Я скучаю по ним каждый день, но дом там, где твое сердце, – с мягкой улыбкой ответила она.

Ради нашего отца мама отказалась от всего: родни, друзей, собственной жизни. Даже став императрицей, она оставалась чужачкой в новой для себя стране. В коридорах дворца перешептывались всякий раз, как она делала что-то, характерное или нехарактерное для Ши, бросали на нее лукавые взгляды.

Матушка пыталась оградить нас с сестрой от всего этого, но мы все равно знали. Королевские отпрыски или нет, мы не являлись чистокровными представителями народа Ши, а значит, становились отличной мишенью для пересудов.

Я пытаюсь сосредоточиться на словах Тан Вэй, но в таверне так шумно, что мои мысли продолжают бродить, снова и снова возвращаясь к девушке, укравшей мангустин. Ее взгляд пронзил меня, словно отразившийся в зеркале солнечный луч, а когда она повернулась в мою сторону, я почувствовал, будто привычный мир разом утратил ориентиры. Должно быть, все дело в жаре пустыни.

«Ты что-то ищешь», – сказала тогда старуха.

Но ведь предсказательницы часто произносят подобное, чтобы разжечь интерес. Вероятно. И все же было в ее взгляде, устремленном на меня, нечто тревожащее, словно ей *известно* обо мне что-то, чего я и сам не знаю.

Тут нам приносят чай, и я отвлекаюсь от размышлений. Это улун с насыщенным древесным ароматом, в котором мне тоже чудится нечто особенное. «*У того, кто слишком долго спит, улун становится горьким*», – заметил бы сейчас Шифу.

– Как поживал мастер Сунь, когда ты в последний раз его встречал? – интересуется Тан Вэй, решив наконец сменить тему.

– Его безрассудная тяга к приключениям никуда не делась. И болтает слишком много, – отвечаю я, отпивая чай. – Как, впрочем, и ты.

– Мне приходится поддерживать беседу за двоих, потому что ты не хочешь в ней участвовать, – парирует подруга. – Помнишь, когда мы были детьми, он водил нас в чайные дома и бесконечно рассказывал о философии и чайных листьях? Мы, наверное, выпили целое озеро чая, не меньше.

– Лучший чайный дом – это «Зеленая игла» в Бэйшоу, в том не может быть сомнений, – хором восклицаем мы.

– Представь себе, он до сих пор мне это повторяет! Тан Вэй смеется и утыкается взглядом в свою пиалу.

– Давай-ка проверим, насколько хорошо *это* место.

– Ну, чайник не из пурпурной исинской глины, – замечаю

я, рассматривая предмет утвари. Отпиваю из пиалы и морщусь. – И на вкус как разведенный водой травяной настой. Я бы эти помои даже корове не налил, чтобы не навредить бедному животному.

Тан Вэй хохочет, прихлопывая ладонью по столу.

– Тебе никогда не говорили, что временами твои напыщенные речи удивительно напоминают мастера Сунь?

– Я не...

Окончание фразы тонет в гуле голосов и криков.

В таверну вбегает какой-то человек и со всего маху врежется в подавальщика.

– В переулке! В переулке!

Я собираюсь уже вскочить на ноги, но Тан Вэй делает предупреждающий знак, похлопав себя по руке у сгиба локтя. Вслед за нарушителем спокойствия входят еще двое. *Священники*. У всех на этом месте татуировка: волнистая вертикальная линия вроде змеи с двумя точками, расположенными с разных сторон в изгибах. Их символ.

Вновь прибывшие, мужчина средних лет и молодая женщина, подходят к хозяину таверны и тому взбудораженному человеку, что кричал о переулке. Они одеты в балахоны ржаво-оранжевого цвета, а волосы собраны в высокий пучок, закрепленный шпилькой из слоновой кости с тем же самым символом Дийе, что и у них на руках.

Мужчина подвывает от ужаса, а остальные присутствующие хранят молчание. Священников боятся все, не только

тяньсай. Все слышали или даже являлись свидетелями их жестоких методов выявления тех, кто обладает магией.

Тан Вэй едва заметно подрагивает, но не от страха. Ее младшую сестренку сожгли на костре, а ее вынудили смотреть. Она изо всех сил сжимает пальцами одной руки край стола, так что костяшки белеют, а другой рукой тянется к цепи у себя на талии. Я, однако, уверен, что подруга не наделает глупостей. У нас неплохие шансы одолеть священников, но вокруг слишком много свидетелей и велика вероятность кого-нибудь случайно зацепить. Хотя убийство противника и принесет мимолетную радость, нужно мыслить в долгосрочной перспективе.

Дождемся, когда они уйдут, забрав с собой этого обезображенного шрамами человека. Вот только не уверен, куда его поведут: изучать место происшествия, так его поразившее, или сразу в темницу. В любом случае мне уже жаль этого беднягу.

Мы с Тан Вэй обмениваемся мрачными взглядами.

– Пора выбираться отсюда, – бормочет она.

Оставив недопитый чай, мы поднимаемся в комнату, чтобы собрать вещи, и вскоре уже шагаем по дороге, направляясь к горам Удин. Лучше держаться подальше от города, заполненного священниками.

Глава 5

АН

Наконец мне удастся заставить ноги кое-как двигаться, буквально по шажку зараз. Я стараюсь держаться узких боковых улочек, но те тоже наводнены гостями ярмарки. Не припомню, когда в последний раз Шамо был настолько запружен людьми. Я проталкиваюсь в плотной массе, не поднимая глаз. На моем лице застывшая маска спокойствия, хотя внутри бушует ураган.

Нужно срочно возвращаться в свою деревню. К аме.

«Что, если они последуют за тобой?»

Я сдерживаю рвущийся наружу всхлип. Нет, домой нельзя. За мной и правда могут прийти констебли из Шамо, и ама окажется замешанной в эту заварушку. Или, еще хуже, явятся *священники*.

Лучше уйти из этих мест.

«Навсегда?»

Да, если так надо, чтобы обезопасить аму. Нефритовый перстень все еще при мне, и, продав его, я смогу выбраться из поработанных пустыней городов. Можно податься на север или восток, переплыв Изумрудное море, оказаться в Синьчжу, в общем, убраться как можно дальше отсюда. Найти работу, переезжать из города в город, меняя имена и всякий раз придумывая новую байку о том, откуда я родом.

«Ты вполне можешь это сделать, – говорю я себе. – Более того, ты должна, чтобы обеспечить безопасность амы».

Неожиданно меня пронзает ужасная мысль. Вдруг священники узнают, что она меня покрывала? Что вырастила меня, как собственную внучку? Значит, мне нужно сделать больше. Например, оставить след, который уведет преследователей от нее. Между нами не должно остаться никакой связи. В голове начинает складываться некий план.

Прежде всего нужно связаться с тем, кому я доверяю.

Когда я прихожу, в темном закутке между кухней таверны и кладовой никого нет. Заслышав чьи-то шаги, я едва не подпрыгиваю на месте и испытываю огромное облегчение при виде Мали. Она на несколько лет старше меня и всегда дружелюбна со мной, хотя нас нельзя назвать близкими подругами.

– Позови, пожалуйста, Ли Го, – прошу я, выдавливая улыбку. Ладони у меня потные, по телу бьет дрожь, но Мали этого, похоже, не замечает.

Пожав плечами, она исчезает в кухне.

Минуту спустя появляется Ли Го. Одного взгляда на меня ему достаточно, чтобы понять: что-то стряслось. Я маню его рукой, и он следует за мной в укромный переулок.

– Я в порядке, – опережая вопрос, произношу я самую грандиозную ложь в жизни. – Но мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу. Пожалуйста.

– Чем я могу помочь? – без задней мысли отзывается он. – Что-то с бабушкой Цзя? Мне сегодня заплатят, и отец в последнее время обзавелся новыми клиентами, так что я могу...

– Просто присмотри за ней, – быстро говорю я, настороженно оглядываясь. Вокруг никого нет, и мы отошли далеко от кухни, так что можно не опасаться быть подслушанными. Склоняюсь к самому его уху и, понизив голос, сообщаю: – Мне нужно на некоторое время уехать. Не знаю, когда вернусь, но кто-то должен позаботился об аме. Ты сможешь?

Ли Го засыпает меня вопросами, но я вскидываю руку, прерывая их поток.

– Прости, но объяснить ничего не могу. Я просто должна исчезнуть. *Сейчас же*. Умоляю, сделай, о чем я прошу. Ради меня.

В конце концов друг согласно кивает.

– Я присмотрю за бабушкой Цзя, не беспокойся. У тебя самой-то деньги есть?

Я показываю ему свой перстень, и он округляет глаза.

– Хотела продать сегодня на ярмарке, но там кое-что произошло, и теперь мне нельзя возвращаться. Я... – голос у меня срывается, – я пойду в другой город и продам перстень там.

– Есть лишний часик?

– Возможно...

Он сжимает мне руку.

– Я знаю человека, который может дать за эту штуку хорошую цену. Давай я схожу, поговорю с ним.

– Но...

– А пока спрячь перстень в надежное место. Встретимся у храма. Если через час я не явлюсь, уходи.

Один час. По прошествии этого времени у меня может появиться достаточно денег, чтобы уехать, и одной проблемой станет меньше. Я даже могу передать половину суммы бабушке через Ли Го. Не знаю, сколь долго получится сохранять видимость спокойствия. Однако друг собирается помочь, а ему я точно могу доверять.

Я соглашаюсь, и мы расходимся.

В большом молитвенном зале стоит неумолкаемый гул: люди поверяют небесам свои надежды и чаяния. Прихожане по очереди преклоняют колени у алтаря, впериw умоляющий взгляд в стоящую на нем статую.

– О, Богиня, молю: мой сын не вернулся с войны. Защити его и приведи домой в целости...

– Прошу, Богиня, ниспошли нам дождь...

– Позаботься о моей жене, даруй ей здоровья, сохрани моего нерожденного ребенка...

Низко склонив голову, я забиваюсь в дальний уголок, будто явилась скорбеть или просить о чем-то. Воздух напоен густым приторным запахом сандалового дерева. На алтаре возвышается сидящая в позе лотоса облаченная в белое вну-

шительная статуя богини Гуаньинь ⁹ с плоской воды в одной руке и листком ивы в другой. Я буквально ощущаю на себе ее благосклонный взгляд.

Он давит на меня железным весом.

Сжимаю руки в кулаки, чтобы унять дрожь, но она распространяется на все тело. Дыхание становится прерывистым, сердце бешено колотится в груди.

Я убийца.

Я *убийца*.

Я убийца.

Следует ли мне молить о прощении? Проклята ли я магией, которую не в состоянии контролировать? Я долгое время знала о своей способности, но даже представления не имела, что она такова... какой бы она ни была. Я игнорировала свою магию, делала вид, что ее не существует. Потому что она пугает меня.

Она *пугает* меня.

Прикрываю веки и пытаюсь отогнать образы иссохших тел, от которых исходит слабое зеленоватое свечение, и ужасные сдавленные звуки, которые мои жертвы издавали, замертво падая на землю. Открыв глаза, я замечаю женщину с изможденным лицом, пристально наблюдающую за мной с противоположной стороны молитвенного зала. Я отвожу взгляд.

⁹ Божество в женском облике в китайской, японской, корейской и вьетнамской мифологии, спасающее людей от бедствий и покровительствующее женщинам.

Когда же, наконец, набираюсь мужества снова посмотреть в ту сторону, оказывается, что она по-прежнему пляшется. Потом толкает локтем сидящую рядом с ней старушку. Теперь на меня устремлены уже две пары глаз. Мне становится не по себе. Час еще не прошел, но я не могу здесь больше оставаться. Особенно под пристальными взглядами подозрительных женщин.

Стараясь не суетиться, я выхожу на улицу. Тут же начинает казаться, что все смотрят на меня. *«Веди себя спокойно, – велю себе, – не привлекай внимания»*. Решаю побродить по округе и вернуться в храм. Возможно, к тому времени женщины уже уйдут, а Ли Го, наоборот, появится.

Оказавшись на главной улице, я дивлюсь тому, как ведут себя люди. Женщина с корзиной постиранного белья при виде меня шарахается в сторону. Мужчина бросает на меня опасливый взгляд и поспешно прячется в магазинчике, с грохотом закрывая дверь. Ему вторит перестук захлопывающихся ставней.

В воздухе плотной пеленой висит страх, от которого меркнет свет дня, будто на солнце накинули покрывало. Волоски у меня на руках встают дыбом. Мимо пробегает мать с орущим ребенком на руках. Бросив на меня затравленный взгляд, она бросает одно-единственное предупреждение:

– *Священники.*

– Не знаю я, о ком вы говорите! – доносится до меня крик. Это Мали. Что она здесь делает? Почему не в таверне?

Невзирая на звучащее в ее голосе отчаяние, мне следует спастись бегством. Вообще забыть о том, что мы знакомы.

Мали начинает орать.

Поспешив на звук, я замечаю поднимающийся в воздух дым и ощущаю запах гари. У меня пересыхает во рту. Что же натворили священники? Ярмарочные шатры горят, одни уже обуглились, другие охвачены пламенем, товары разбросаны по земле. Мужчина и женщина в ржаво-оранжевых балахонах окружили скрючившуюся от боли фигурку.

– Неужели никто не может сообщить нам о тяньсай, что ходит среди вас? – вопрошает приземистый священник Дийе средних лет с длинной бородой. – Сегодня этот *демон* в человеческом обличье убил двух человек.

Сильно поредевшая толпа безмолвствует. Никто не рискует выйти вперед. Женщина-священник бьет Мали наотмашь, и на каменную мостовую капает ее кровь. Сама Мали, подывая, падает как подкошенная. Священник что есть силы пинает ее.

Во мне закипает гнев, но я остаюсь на месте.

Женщина-священник ходит вокруг Мали.

– Добрые горожане! Неужели, защищая того, кто проклят, вы вынесете приговор этой невинной девушке? Еще раз спрашиваю: кто-нибудь видел тяньсай?

– У нее обличье девчонки лет шестнадцати, – подхватывает бородатый священник. – Нам сказали, что она заплетает волосы в косы, а на щеке у нее шрам.

Толпа продолжает хранить молчание.

На кончиках пальцев священника ярко вспыхивает смертоносное пламя.

– Еще не поздно признаться, – произносит он, поднося огонь прямо к лицу Мали. Та в ужасе отшатывается. – Ну же, девушка, скажи нам!

«Воспользуйся магией, – шепчет у меня в голове голос, похожий на легкое дуновение ветерка в ночной тиши. – Давай же. Ты знаешь, что хочешь этого».

Я сглатываю, стараясь не обращать на него внимания.

– Я же уже сказала, что ничего не знаю. Не знаю, куда она пошла, – выдавливаю из себя задыхающаяся Мали.

Священник смотрит на нее сверху вниз.

– Ты не оставляешь мне выбора. Какая жалость.

В его голосе нет милосердия, только злорадство. Когда пламя касается ее руки, Мали вскрикивает.

«Выдай себя, Ан. Не будь трусихой».

Я не двигаюсь с места.

«Уж лучше проявить осторожность, даже если при этом приходится быть бесчувственной».

Эти слова кажутся мне фальшивыми. Слишком резкими. Ошибочными. Я не могу допустить, чтобы Мали постигла та же ужасная участь, что и изувеченную девушку у колодца. Так ведь?

Кто-то проталкивается через толпу на другой стороне площади. Ли Го. Выражение его лица...

– Отпустите ее, она ничего не знает! – ору я что есть мочи, бросаясь вперед. – Вам нужна я. Я убила тех мужчин.

Толпа ахает и расступается, давая мне дорогу, и я оказываюсь прямо перед священниками.

– Ты? – презрительно усмехается женщина, окидывая меня взглядом с головы до ног. – Значит, это *ты* тяньсай, учинившая погром в переулке?

Не доверяя своему голосу, я молча киваю.

Она сверкает глазами.

– Докажи.

Сглотнув, я смотрю на свои руки. Сейчас они бледны и трепещут, словно сухие листья на ветру. Не знаю, что делать. *Чего* эта женщина от меня ждет? Чтобы я напала на нее? Неужели правда считает, что у нее есть шанс, учитывая, что я сотворила с теми воинами?

Бородатый священник пристально всматривается в мое лицо. Его злые глаза замечают шрам у меня на щеке, и по лицу расползается выражение коварного удовлетворения.

– Это лишнее. Она же сама призналась. Мы ее заберем.

Мне связывают руки за спиной. Грубые веревки врезаются в кожу. Ну вот и все. Мне пришел конец. Нет времени ни на слезливые прощания, ни на поспешную последнюю молитву. Слышу приглушенное перешептывание горожан. Некоторым я знакома как девчонка-сирота из соседней деревеньки. Та, которая прежде работала в таверне. *«Придут ли они, чтобы посмотреть, как меня будут жечь на костре?»*

Священники волокут меня через площадь, но я успеваю перехватить взгляд Ли Го. Он пребывает в ужасе. Делает шаг вперед, но я отрицательно качаю головой. Хвала богам, он слушается и остается на месте.

Мне на голову накидывают мешок, и в ноздри ударяет запах благовоний и застарелой крови.

Надеюсь, теперь Ли Го поймет, что я от него скрывала.

И останется верным своему слову позаботиться о моей бабушке.

Дворец с тысячей шпионов

Глава 6

АН

Каким-то чудом я все еще жива.

Никак не пойму, почему. Священники, конечно, ничего не объяснили: не сказали, куда меня везут, зачем решили сохранить мне жизнь. *Если* это вообще так. Дийе для того и существуют, чтобы уничтожать тьянсай. Так что едва ли я стану исключением. Меня посадили в повозку, но мешок с головы не сняли, будто я монстр какой-то. Хотя для них таковой я и являюсь.

Возможно, они правы. Я ведь, как-никак, совершила *убийство*.

Одним богам известно, как долго мы пробыли в дороге. Периодически дверь повозки открывалась, и чьи-то руки совали мне какую-то еду. Дни и ночи слились в вереницу повторяющихся действий. Время от времени я забывалась беспокойным сном и видела если не демонов, то трупы.

А еще, как это ни странно, того одноглазого парня с ярмарки. Он то появлялся, то исчезал, произнося какие-то бессмысленные слова. Иногда у него в руках оказывался украденный мной меч, которым парень сердито указывал на меня, а иногда вокруг него кружились дымчато-зеленые огоньки, и он растворялся, словно туман на рассвете.

В кошмарах мне являлась и ама. Я видела ее стоящей на

краю глубокого ущелья и собирающейся шагнуть вперед, а себя – бегущей к ней и заклинающей этого не делать. И всякий раз не успевала: бабушка падала в бездну, а я с криком просыпалась.

Открыв однажды глаза, я ощущаю, что воздух изменился: сделался более прохладным и влажным. Удушливый зной пустыни остался позади. Должно быть, меня везут на восток, к морю. Повозка останавливается, и я слышу, как открывается дверца. Кто-то оказывается рядом со мной и сдергивает с моей головы мешок. Мне с трудом удастся держать голову поднятой. Прищурившись, разглядываю появившуюся рядом с собой фигуру.

Священник. Правда, этого я прежде не видела. Вероятно, его подобрали по дороге. Он на удивление молод, но в черных волосах мелькает седая прядь. Его серо-голубые глаза округляются от беспокойства, когда он видит, в каком я состоянии.

– Что они с тобой сделали? – негромко спрашивает священник. – Слишком туго, да? – И начинает развязывать веревку, стягивающую мне лодыжки.

В горле у меня так пересохло, что кажется, будто туда песка насыпали, но все же удастся проскрежетать:

– Слишком туго? Боишься, что я сбегу при первой же возможности?

– Если попытаешься сбежать, мне придется тебя остановить.

Это не угроза, простая констатация факта. Я перестаю сопротивляться. Священник освобождает мне ноги, но руки оставляет связанными за спиной.

– Пей, – говорит он, поднеся к моим губам кожаный мешочек с водой.

Я собираюсь покачать головой, не принимая чужую жалость, но инстинкт самосохранения побеждает гордость. В итоге я утоляю жажду и позволяю покормить себя *маньтоу*, не обращая внимания на то, как странно он на меня пялится.

Этот человек ведет себя со мной очень бережно. И вообще выглядит *нормальным*. Трудно поверить, что на самом деле он священник, одна из задач которого – рыскать по деревням в поисках тьянсай. И вырезать у людей языки.

Наверное, это уловка. Он пытается втереться ко мне в доверие.

– Вот уж не думала, что священники способны сочувствовать своим врагам, – едко замечаю я.

– Ты мне не враг, – отвечает он, его глаза в этот момент похожи на серые грозовые тучи, низко висящие над землей.

– Я тебе не верю.

– Мне твое доверие ни к чему. Я всего лишь должен выполнить свои обязанности: проследить, чтобы ты не умерла.

Я сажусь чуть прямее, чувствуя, как в душе начинает проклевываться росток надежды.

– Зачем? *Кто* хочет заполучить меня живой? – Священник встает. В его руке мелькает мешок. – Нет, погоди! – по-

спешно восклицаю я, содрогаясь от перспективы опять лишиться зрения. И снова нюхать вонь запекшейся крови. А еще я боюсь своих ночных кошмаров. – Пожалуйста, не надевай его на меня!

– Прости, но иначе никак. – Священник медленно приближается, и, похоже, он искренне огорчен. Или просто очень хороший актер.

Я пытаюсь отстраниться, но, конечно же, у меня ничего не получается.

– Скажи хотя бы, как тебя зовут! – выпаливаю я, с трудом сдерживая всхлип, когда он подносит ко мне мешок

Взгляд священника смягчается. Хотя не исключено, что мне это просто кажется.

– Лейе.

Мой мир снова погружается во мрак.

Я резко вздрагиваю и просыпаюсь. Слышу громкое лошадиное ржание. И тут же взволнованные голоса.

– Она наша. – Это бородатый священник.

– А у меня приказ самого главного министра, – возражает

непреклонный голос. – От имени трона Дракона. Ты осмелишься не подчиниться имперскому распоряжению? – На некоторое время воцаряется тишина. – Даже не думай. Мы отвезем девчонку во дворец. Если хочешь поехать с нами, милости прошу.

Священник что-то говорит в ответ, но я не в состоянии разобрать ни слова. Слышу только, как открывается дверца повозки. С моей головы, наконец, снимают мешок, и чьи-то руки поднимают меня. Но занемевшие ноги отказываются держать тело, я падаю и, больно ударившись коленями о деревянный пол повозки, громко ахаю. Голова гудит, к горлу подступает тошнота.

«Дыши, черт тебя подери». Быстро хватаю ртом воздух. Зрение постепенно проясняется, и я различаю мужчину, облаченного в сияющие доспехи желто-малинового цвета. Это цвета Ши. Стражник. Да не абы какой, а, исходя из покроя формы, лейтенант, не меньше.

Одним движением он разрубает связывающие мои запястья веревки, и я принимаюсь тереть саднящую кожу. Зачем стражнику понадобилось останавливать повозку священников? И чего от меня хочет дворец? Я тяньсай. *Убийца*. Возможно, в столице меня будут судить. Или, скорее всего, живо сгноят в королевской темнице.

– Вставай, – велит лейтенант, при этом голос его совсем не груб. У него приплюснутый нос, который, по всей вероятности, не раз ломали, а лицо испещрено шрамами.

Видя, что я и в самом деле не способна передвигаться самостоятельно, он поднимает меня с пола повозки и осторожно – вот уж не ожидала! – усаживает на мягкую траву.

Трава.

Вокруг меня все зеленеет, кое-где даже мелькают радостные желтые всполохи. Мы находимся посреди бескрайних полей, вдалеке виднеются высокие деревья. В воздухе разлит аромат цветов, легкий ветерок ерошит выбившиеся прядки волос. На мгновение кажется, что я снова оказалась во сне. Или умерла. Уж слишком здесь спокойно и красиво.

В следующий миг я замечаю две дюжины вооруженных стражников, стоящих на изготовку.

Никакой это не сон, всего лишь смена тюремщиков.

На этот раз мешок мне на голову не надевают и руки не связывают, но сопровождающий меня к экипажу лейтенант крепко сжимает рукоять меча. Прекрасно понимаю, что стражники расстреляют меня из луков, вздумай я сбежать.

– Забирайся внутрь.

Мне кое-как удастся сесть в экипаж, неуклюже плюхнувшись на мягкое сиденье. Лейтенант устраивается напротив, отдает приказ, и лошади пускаются галопом. От быстрой езды поле превращается в размытое пятно. Я удивляюсь такой скорости.

– Кто вы такой? – хриплым, лишенным почтительности голосом спрашиваю я. Вообще-то, мне, девчонке-крестьянке, следует выказывать ему, военному, куда больше уваже-

ния, но меня мучит жажда, а тело горит словно в лихорадке.

Удивительное дело, он улыбается и на миг становится мальчишкой, каким был когда-то, до того, как военные тяготы закалили его характер.

– Я лейтенант Бао, – представляется он, слегка склоняя голову, и я киваю в ответ. – Меня назначили сопровождать тебя в императорский дворец. В столицу прибудем примерно через две недели.

– Дворец? Зачем меня везут во дворец?

– Мне приказано доставить тебя в целости и сохранности. А что уж там главный министр будет с тобой делать, меня не касается.

– Главный министр?

– Главный министр Чжао Ян, бывший главнокомандующий имперской армией и наш военный министр.

Лейтенант передает мне бурдюк с водой. Я осушаю его до дна, выпиваю все до последней драгоценной капли и утираю подбородок рукавом.

– Что понадобилось от меня военному министру?

Лейтенант Бао проницательно смотрит на меня, и я утверждаюсь в мысли, что он не из тех, кто слепо исполняет приказы. За нахмуренными бровями скрывается острый ум.

– Ты наделена магией, не так ли? – интересуется он.

Нет смысла отрицать очевидное, поэтому попытаюсь выведать у него хоть какие-то сведения.

– Магия в Империи запрещена, ею могут пользоваться

только священники Дийе. Меня должны казнить. Так зачем же ты, лейтенант, везешь меня во дворец?

– Наш император мертв. Заключение с Хонгуоди перемирие вовсе не означает, что в стране больше нет вражеских шпионов. Да и Менгу с Нандой только и ждут удобного случая, чтобы напасть на нас.

«Возможно, не будь мы такими кровожадными, другие государства оставили бы нас в покое», – думаю я, но благо-разумно оставляю эти соображения при себе.

– Империи нужна помощь, – будничным тоном произносит лейтенант Бао. – Мы в постоянном поиске талантов.

– Талантов? Почему бы вам не велеть священникам перестать убивать тьянсай? Ведь *они* обладают магией, – выпаливаю я, не в силах сдержаться, и тут же вжимаюсь в спинку сиденья, уверенная, что получу по губам за такую дерзость.

Но лейтенант лишь смеется.

– Радуйся, что я не священник. Иначе тебе пришлось бы отвечать за свои слова. – Я опускаю глаза в пол, притворяюсь пристыженной, а сама раздумываю, может ли быть такое, что Бао тоже терпеть не может священников? – Полагаю, это твое, – добавляет он, вкладывая мне в ладонь какой-то холодный предмет. Мой нефритовый перстень. Наверное, забрал у священников, которые, в свою очередь, отняли его у меня. Я сжимаю в руках единственное напоминание о доме. На глаза наворачиваются слезы, но мне удастся сдержать их.

– Спасибо.

У меня еще очень много вопросов, но одного взгляда на Бао достаточно, чтобы понять: лучше попридержать язык. Явно не намеренный продолжать разговор, он снова принимает вид сурового воина.

Я смотрю в окно экипажа, жадно разглядывая местность, где бурлит жизнь. Все здесь настолько отличается от привычных иссушенных деревень, что я глаз не могу оторвать от этого дива. Только вот за удивлением скрывается тревога. Что меня ожидает в столице? Бао не обращается со мной как с преступником, приговоренным к смерти за совершенное убийство. Означает ли это, что можно не беспокоиться о благополучии амы? Что священники ее не обидят? Если я чему и научилась, так это доверять своим инстинктам, а сейчас они твердят, что что-то не так. Но что именно, я понять пока не в силах.

Одно мне известно наверняка: я нужна им живая, так что следует извлечь из этого как можно больше пользы для себя.

Неотличимые один от другого, дни тянутся однообразной чередой. Стражники продолжают держаться от меня на

расстоянии десяти шагов. Это правило не распространяется только на лейтенанта Бао, который приносит мне еду. К сожалению, он по-прежнему неразговорчив, так что узнать у него ничего не удастся.

Я подумываю о том, чтобы сбежать. Однако меня ведут окольными путями, не проходящими через населенные пункты, к тому же мы часто двигаемся и по ночам. По солнцу я определила, что мы направляемся на северо-восток, но понятия не имею о своем нынешнем местонахождении. Траченные мной географические карты, которые попадались мне на глаза в Шамо, не дали представления о протяженности и размерах Империи. Да и от стрел стражников мне вряд ли удастся сбежать.

Кроме того, священники всегда начеку. Женщина не спускает с меня глаз, да и Лейе посматривает украдкой. Даже не видя его, я все равно ощущаю взгляд, устремленный мне в спину. Хочется засыпать его вопросами, но существующая между священниками и стражниками сдержанная напряженность не позволяет мне ни с кем заговорить.

Из подслушанных у костра бесед я узнала, что до столицы осталось ехать меньше недели. Значит, через несколько дней станет ясно, что понадобилось от меня главному министру. Об аме никто не произнес ни слова, из чего я заключила, что она, вероятнее всего, в безопасности. Это утешает.

Мы едем всю ночь. Вскоре ритмичное покачивание экипажа убаюкивает меня, и на это раз мне снится море, хотя

я никогда его прежде не видела. Вода представляется мне живым существом, чьи бирюзовые волны под воздействием сверкающих солнечных лучей исполняют некий таинственный танец. В глубине плавает что-то с длинным хвостом и рыбьей чешуей. У этого существа красные глаза с ярко-желтыми зрачками, и оно издает злобный утробный рык.

«Я жду тебя, – ревет оно, – жду-у-у...»

Слыша чьи-то крики, я резко распахиваю глаза. Экипаж останавливается, и лейтенант Бао просыпается.

– Оставайся на месте, – велит он, – и не высовывайся.

Лейтенант выскакивает наружу. Я же дрожащими руками закрываю дверцу. Та еще защита, но лучше, чем ничего. Крики становятся громче, раздается лязганье металла.

Что-то ударяется в стенку экипажа, кто-то просовывает в окно меч, и я бросаюсь на пол. С лезвия капает кровь, и она не моя. Я чуть слышно чертыхаюсь. Мне некуда деться из этой деревянной западни. Я в ней словно в гробу.

Слышу лошадиное ржание, экипаж покачивается, и я вместе с ним. Снова крики, что-то глухо колотится в дверцу. Не успеваю придумать, что делать, как экипаж в буквальном смысле взрывается: во все стороны разлетаются деревянные обломки, часть из которых вбивается мне в спину. Голову я кое-как прикрываю руками.

Кто-то оттаскивает меня в сторону.

– Ты в порядке? – кричит лейтенант Бао.

– Вроде да.

Вокруг отчетливо ощущается дыхание хаоса. Воздух напоен ароматами земли и дыма. Света почти нет. Когда на кончиках пальцев священников вспыхивают огоньки пламени, я различаю валяющиеся повсюду залитые кровью тела в желто-малиновых доспехах. На их мертвых лицах навсегда застыло выражение удивления.

Священников окружают пять вооруженных мечами фигур в черном, по очереди делающих выпады. Священники мастерски управляют с огнем, но черные фигуры ловко отражают атаки. Эта битва ведется не столько оружием, сколько *магией*. В воздухе свистят камни. Оранжевые балахоны – отличные цели. Земляные частички поднимаются в воздух и гасят пламя священников.

Я, прихрамывая, отступаю и вижу, как одна из черных фигур создает и направляет мощный порыв ветра.

– Кто они такие?

– Тяньсай. – Бао разрубает летящий в мою сторону камень, тем самым спасая от удара. – Беги! Спрячься в каком-нибудь безопасном месте.

Не говоря больше ни слова, он бросается в гущу сражения.

В первое мгновение я настолько ошеломлена, что не в силах сдвинуться с места. Однако ко мне неожиданно прыгает тяньсай, сжимающий в руке окровавленный меч.

– *Похитительница Жизни*, – рычит он, занося клинок.

Я кричу и поднимаюсь на ноги, но недостаточно быстро – он опускает лезвие мне на ногу, вспарывая кожу на икре.

Одежда тут же пропитывается кровью, а я падаю на землю, ощущая исходящий от нее запах.

– Похитительница Жизни, – снова завывает он.

Я понятия не имею, ни что означают эти слова, ни почему он так меня называет. Зато его намерение убить меня сомнений не вызывает.

Сжимая пальцы в кулак, я замечаю забившиеся под ногти частички земли. Волосы прилипли к потному лбу, затрудняя обзор. *«Ползи, черт тебя подери, ползи же!»* Звуки битвы вдруг становятся очень далекими, а собственная голова – невесомой. Я не могу пошевелиться.

Мужчина подхватывает меня, будто тряпичную куклу.

– За что? Я же ничего тебе не сделала, – восклицаю я, пытаюсь лупить его кулаками.

На краткое пугающее мгновение наши взгляды встречаются, и в его глазах я замечаю лишь ненависть.

– За то, что ты способна сделать, – говорит он. – *И сделай.*

А потом грубо встряхивает, так что у меня клацают зубы. Из последних сил я пинаю его по колену, и он роняет меня на землю. Я ударяюсь обо что-то головой, перед глазами кружатся черные точки. Едва не теряя сознание, слышу хруст сухих листьев и веток под его шагами. Мужчина приближается.

Подходит совсем близко.

Тут словно из ниоткуда появляется оранжевая вспышка,

и священник загораживает меня своим телом. Воздух перед
тяньсай вибрирует от энергии, взрывается стена огня. До ме-
ня доносятся крики.

А потом я теряю способность слышать.

Глава 7

АЛТАН

Нас окружают дюны причудливых форм, между которыми тут и там виднеются пучки сухой травы. Впереди, насколько хватает глаз, тянется голое коричневое ничто. И сзади сплошной песок. Прищурившись на жарком солнце, я окидываю взглядом очертания одинокого облака, заблудившегося в бескрайнем синем просторе над головой.

По моим запекшимся губам скользит кривоватая усмешка, и я морщусь. У богов ужасное чувство юмора. Я снова вернулся в то место, которого поклялся избегать. Однако именно его мне нужно покорить, чтобы получить желаемое.

Почти неделю мы ехали на верблюдах. По мере уменьшения запасов еды все больше нарастает раздражение. Я делаю крошечный глоток воды из бурдюка, но теплая жидкость ничуть не утоляет жажды, наоборот, распаляет ее еще сильнее. Тан Вэй слабо взмахивает рукой, и я подвожу своего верблюда вплотную к ее и передаю бурдюк. Скорее всего, она уже пожалела о том, что согласилась сопровождать меня. Ей ненавистна каждая минута, проведенная среди мягких зыбучих песков. Однако сила ее ненависти не соизмерима с моей.

Пустыня отняла у меня все.

Тан Вэй поспешно опустошает бурдюк и сжимает рукой его кожаные бока.

– Мы... обречены... на смерть... в этом проклятом богами месте.

– Но лишь потому, что ты выпила *весь* наш запас воды, – бормочу я себе под нос, пристально вглядываясь в линию горизонта. – И некоторое время его неоткуда будет пополнить. Могла бы действовать более осмотрительно.

– Ты же сказал, что *сегодня* мы встретим кочевников. И где они? Ты уверен, что еще помнишь, как ориентироваться в пустыне? Десять лет – долгий срок.

– Прекрати ныть.

– Мне следовало тогда в таверне заколоть тебя и силой отвести обратно к мастеру Сунь.

– И расстроить Линьси?

Я бросаю на нее острый взгляд. Линьси всецело меня поддерживает. Именно *она* подала идею разыскать феникса, хотя и с иной целью. Едва ли ей известно о моем намерении избавить мир от Похитителя Жизни.

– Что ж, верно. Линьси... счастливые воспоминания, – тянет Тан Вэй. – Я не могу умереть здесь, не увидев ее лица.

Проворчав что-то в ответ, я продолжаю путь. Сейчас я почти сожалею, что меня нигде не ждет возлюбленная. Похоже, некоторые люди обречены на одиночество.

Когда солнце начинает клониться к горизонту, мы, наконец, замечаем караван и ряд шатров в отдалении. С души словно камень свалился. Десять лет *и правда* очень долгий срок. Остается только надеяться, что меня встретят с рас-

простертыми объятиями.

Мы подъезжаем к лагерю и спешиваемся.

Поприветствовать нас подходят старый, но крепкий на вид мужчина с кудрявыми седыми волосами и паренек с россыпью веснушек на веселом лице. Мужчина, судя по всему, старейшина клана. Я чувствую разочарование, поскольку не узнаю его. Это не тот клан, который спас меня десять лет назад. Как бы то ни было, старейшина выглядит приветливым и дружелюбным.

– Добрые путники, вы, должно быть, устали. Пустыня не всегда благосклонна. Приглашаю вас отдохнуть и восстановить силы, прежде чем вы снова отправитесь в дорогу, – с запинками произносит он на языке Ши. – Мы напоим ваших верблюдов.

Мальчик подносит им ведро воды и, перехватив взгляд Тан Вэй, с застенчивой улыбкой протягивает ей свой бурдюк. Улыбнувшись в ответ, она жадно пьет.

Я отвечаю на идеальном *юйхуа* – его диалекте.

– Добрый вечер, мудрейший. Меня зовут Алтан, а это Тан Вэй. Мы держим путь в горы. Благодарим тебя за щедрость.

Мужчина удивленно вскидывает брови и вдруг раздражается громким смехом, похлопывая меня по спине и заключая в объятия. Кочевники могут весьма бурно проявлять эмоции, встретив человека, знающего их язык и традиции. Поскольку они никогда не задерживаются на одном месте надолго, для них это как найти давно потерянного члена семьи.

– Хорошо, очень хорошо! Ты говоришь на моем языке. Я Шенла, – представляется он на *юйхуа*. – Вы с подругой можете отдохнуть в моем шатре. Нечасто доводится встретить кого-то с севера. А вы ведь *оттуда*, верно?

– Да, – лгу я, радуясь его заблуждению.

Мама любила повторять, что я похож на отца. Однако мы с сестрой унаследовали ее светлые волосы и темный оттенок кожи, так что с легкостью могли сойти за северян. И пусть я свободно изъясняюсь на языке Ши, но намеренно научился подражать акценту северян и волосы ношу так, как обычно это делают мамыны соотечественники. Впервые покинув континент, я в порыве подросткового протеста против отцовской родни выбрал для себя такой стиль. А теперь придерживаюсь его для личной защиты.

– Моя семья некоторое время жила с твоими людьми, и они отнеслись к нам с большой благосклонностью, – поясняю я.

– Превосходно! Значит, ты *тоже* член нашей семьи.

Шенла снова обнимает меня, на это раз дольше и крепче, и приглашает остаться на ужин. Пока он ведет нас к шатрам, я перевожу разговор для Тан Вэй. При упоминании еды и крова она улыбается мужчине своей самой очаровательной улыбкой.

Когда приходит время ужина, мы оба испытываем такой зверский голод, что становится не до приличия. Мы жадно поглощаем руками густую кашу из цельных злаков, приго-

товленные на плоских камнях яйца, маринованные овощи и поджаренное на огне мясо. Это пиршество воскрешает во мне воспоминания, а Тан Вэй просто наслаждается пищей.

Дети кочевников поглядывают на нас с любопытством, некоторые взрослые улыбаются, но не предпринимают попыток заговорить. Молва гласит, что кочевники в этой пустыне живут с сотворения времен, поэтому они очень мудры и хранят множество тайн. Племена больше не пользуются магией открыто и не имеют притязаний на земли, поэтому священники Дийе оставили их в покое.

Опускается ночь. С трапезой покончено, начинаются песнопения, звучит смех. Хотя не этот клан приютил меня десять лет назад, мне приятно снова оказаться в знакомой обстановке.

Тан Вэй подходит к группе женщин, которые плетут из разноцветных нитей замысловатые ожерелья. Вскоре и она присоединяется к их занятию, объясняясь жестами. Выглядит так, будто она прожила с этими людьми всю жизнь. Наблюдая за ними, я испытываю укол зависти. Хотелось бы и мне обладать природной способностью с легкостью заводить друзей.

Я откидываюсь назад, опираясь на локти, которые ставлю строго на расстеленные на песке коврики. Растущая луна сегодня едва видна, и цвет неба плавно перетекает из светло-серого в насыщенный черный.

Ко мне подходит женщина с лучистыми глазами и вол-

нистыми темными волосами и, назвавшись Шенни, дочерью Шенла, садится рядом. Поворошив костер, она подбрасывает в него несколько веток.

– Ты ищешь меч, – вдруг заявляет она.

Я напрягаюсь.

– Откуда ты знаешь?

Выражение ее лица невозможно истолковать.

– Ты веришь, что меч света сделает мир таким, каким он был когда-то?

Я киваю, гадая, хочет ли она поделиться со мной сведениями или мудростью.

– Природа и человек должны сосуществовать в гармонии, хотя людям это часто оказывается не по силам. Мне понятно твоё стремление исправить злодеяния предков, но *и* Белый Нефритовый меч, *и* Obsидиановый меч подчиняются воле Похитителя Жизни.

В ее словах нет предупреждения.

Белый Нефритовый меч, также известный как меч света из-за его очищающей силы, давно затерялся в мифах и легендах. Много веков его никто не видел, и в исторических текстах, с которыми мне удалось познакомиться, нет ни намека на его нынешнее местонахождение.

А Obsидиановым мечом пользовался мой прадед для завоевания новых земель и расширения Империи. *Это* оружие намного чаще мелькает на страницах истории. Его темные деяния можно наблюдать по тянущемуся за ним кровавому

следу, одобренному ужасом. Как говорят, этот меч погребен где-то в песках. Если нынешний Похититель Жизни не на моей стороне, то, завладей он этим оружием, сможет наде-
лать много бед.

– Я понимаю, о чем ты, – обращаюсь я к Шенни, – но меч света – единственное, что способно уничтожить распростра-
няющуюся по нашей земле темную магию. Я должен найти Похитителя Жизни, чтобы он, в свою очередь, отыскал меч. Я готов пойти на такой риск.

Шенни жестом просит меня дать ей руку, и я повинуюсь. Она проводит пальцем по линиям на моей ладони. Выраже-
ние ее лица сейчас такое же, какое было у предсказательни-
цы из Шамо, как будто она знает что-то, мне неизвестное.

– Я вижу надвигающийся хаос и борьбу за выживание, ко-
торая охватит все народы. Красная нить судьбы связывает
тебя и Похитителя Жизни, но что это за судьба... сказать
трудно.

– Я *сам* вершу свою судьбу.

Она улыбается.

– Знаешь, мы все еще иногда говорим о нем.

Теплота в ее голосе удивляет меня.

– О ком? – растерянно спрашиваю я.

– О златооком мальчике, который мог призывать такие
сильные ветры, что песок дрожал под его ногами и подни-
мался к небесам.

Я царапаю языком о зубы и ощущаю вкус крови. Боль поз-

воляет сосредоточиться и отгоняет воспоминание о том зло-тооком мальчике.

О потерянном лице, которое некогда было моим.

Притворяясь, что не понимаю, о чем речь, я фальшиво смеюсь, но Шенни бросает на меня пронизательный взгляд, тем самым показывая, что ей известно, кто я такой. Лгать не имеет смысла.

– Того мальчика больше нет, – тяжело роняю я, словно бросаю в реку камни, и правда грузом ложится на душу.

– Все мы несем бремя прошлого, но и радости тоже. Лишь те, кто предпочитает закрывать глаза на самих себя, забывают о том, что некогда существовало и продолжает существовать по сей день *в душе*. – Она легонько похлопывает себя по груди, показывая, где именно. – Дружеский совет для чело-века, который ищет то же, что и ты: всегда помни, что твое сердце – это не слабость.

Я молча смотрю на угасающие угольки костра.

Возможно, Шенни в самом деле видит будущее. Мое буду-щее, уготованную мне судьбу. Возможно, за доспехами она сумела рассмотреть мальчика, которого нужно спасти.

Глава 8

АН

Ветер хлещет меня по лицу, точно хлыстом, когда мы несемся в ночь, подальше от поля трупов. Лейе неумоимо понукает коня, а я крепко цепляюсь за него, стараясь выбросить из головы картины яростной битвы и жестокости, коим сегодня стала свидетельницей.

Вроде Лейе и спас меня от жаждавшего моей смерти тяньсай, но я не могу отделаться от странного ощущения, что *сам* священник пугает меня куда сильнее. Порожденное им пламя поглотило моего обидчика целиком. Я до сих пор не в силах забыть испуганный взгляд тяньсай, его крики в агонии и сладковато-приторный запах горелой плоти. От потрясения я лишилась дара речи, и Лейе пришлось чуть не волоком тащить меня в лес, где обнаружилась лошадь, которой чудом удалось избежать бойни.

Я не видела, что случилось с лейтенантом Бао или со священниками. Не знаю, выжил ли хоть кто-то.

Раненая нога замерзла и кровоточит. Я пытаюсь держаться прямо, вцепившись в балахон Лейе, но постепенно моя хватка слабеет. Наконец, когда я заваливаюсь на него, священник останавливает лошадь и спешивается.

Прежде чем я успеваю запротестовать, он берет меня на руки и укладывает на землю, прислонив спиной к стволу де-

рева.

– Как ты себя чувствуешь?

Я промерзла до костей, по спине стекает холодный пот, а при виде собственной крови к горлу подступает тошнота.

– Превосходно, – отвечаю я. – Могу пробежать без остановки целую милю.

Однако Лейе не смеется над моей глупой шуткой.

– Ты теряешь слишком много крови.

Он раздвигает порванные складки моей юбки, и я морщусь в ответ. Зазубренное лезвие меча превратило мою плоть в страшное месиво, багряной расселиной выделяющееся на фоне бледной кожи.

– Придется прижечь, чтобы остановить кровотечение, – заключает Лейе.

– Ты собираешься меня *жечь*?

– Тебе не о чем беспокоиться.

– Ты же священник, все вас боятся. – Едва эти слова слетают с моих губ, лицо Лейе освещается призрачным светом луны, смягчающим черты. Я снова поражаюсь тому, насколько этот мужчина не похож на прочих священников, и тут же напоминаю себе, что он заживо спалил человека у меня на глазах. – Почему ты спас меня, но бросил своих товарищей? Неужели все священники такие вероломные?

– Думаю, сейчас тебе следует беспокоиться о себе, а не о других. Да и я уже упоминал, что моя работа как раз в том и заключается, чтобы сохранить тебе жизнь.

– Но лейтенант...

– У тебя кровь не сворачивается. Похоже, лезвие меча было пропитано чем-то, что не дает ране затягиваться. Ближайший город находится более чем в часе езды отсюда. Не хочу связывать тебя, чтобы спасти твою жизнь, но сделаю это, если потребуется.

Мысль о священнике, использующем на мне свою магию, пугает меня до чертиков. Только вот перспектива истечь кровью страшит куда сильнее.

Я стискиваю зубы.

– Ладно. Сделай это.

Лейе подбирает валяющийся на земле сук и обламывает с него тонкие ветки.

– Будет больно, и я бы предпочел, чтобы ты не выдавала наше местоположение своими криками. Не знаю, следил ли за нами кто-нибудь из тьянсай.

Я беру палку. Лейе достает кинжал и начинает нагревать лезвие. Оранжево-красное с синей сердцевинкой пламя, вырывающееся из его пальцев, красиво танцует, и я смотрю на него как замороженная.

И шокированная.

Священник спасает мне жизнь.

Пламя разгорается сильнее, и я испуганно шиплю.

– Чтобы владеть огнем, его не надо бояться. Это первое, чему нас учат.

– Я воспитывалась не в секте священников, – огрызаюсь

я. — В моем мире ваш огонь разрушает и забирает жизни тех, кто нам дорог.

На его лице мелькает вспышка эмоций, но Лейе ничего не говорит. Когда металл нагрет достаточно, он гасит свое пламя.

— Стой спокойно.

Я втягиваю воздух, зажмуриваюсь и закусываю зубами палку.

Первое же прикосновение заставляет меня громко охнуть. В воздухе разливается сладковатый запах гари. Я сжимаю зубы сильнее, по щекам текут слезы. Быстрыми постукиваниями Лейе снова и снова прикладывает раскаленное лезвие к моей ноге, пока вся рана не оказывается обработанной.

— Дело сделано.

Открывая глаза, я вижу перед собой его пепельно-серое лицо. Как будто он чувствовал мою боль каждый раз, когда жег плоть.

— Ну и как там? — спрашиваю я, утирая глаза рукавом. Сама посмотреть не могу.

— Пока придется обойтись этим. Нам нужно идти.

— Куда?

— В столицу. Но сначала найдем тебе лекаря.

Лейе помогает мне сесть на лошадь и привязывает к себе. Снова начинает кружиться голова, и я прислоняюсь к мужчине, позабыв о его ужасающей сущности. В конце концов, до сих пор он меня только защищал.

Мы скачем во весь опор. Мне кажется, что нога продолжает гореть, как будто обложена раскаленными углями, рана болит. Погружаясь в сон, я вдруг понимаю, что от манипуляций Лейе на коже останется шрам.

Меня пометили. Заклеймили пламенем Дийе.

В соседнем городе мы находим лекаря. Увидев солидный кошелек Лейе, он предлагает нам комнату на ночь и промывает мою рану каким-то травяным настоем, а потом обматывает ее влажной повязкой, чтобы сбить жар. Мой спутник с непроницаемым выражением лица наблюдает за происходящим и не произносит ни слова. Когда лекарь наконец заканчивает, меня тут же одолевает сон.

В середине утра меня будит стук в дверь. Входит Лейе и протягивает мне небольшой сверток с чистой одеждой, а на стол ставит бамбуковую подставку с тушеными креветками *чангфан* с соевым соусом, две булочки с заварным кремом и миску свежего инжира.

Он сменил свои жреческие одежды на *ханьфу* цвета слоновой кости. Характерная повязка Дийе вокруг пучка во-

лос тоже исчезла, на ее месте появилась простая серебристая лента. Половина его длинных черных волос спадает на плечи, а в единственную белую прядь, спускающуюся по спине, вплетена изумрудная нить. Лицо Лейе отмыто, и в свете дня я замечаю, насколько велики его широко расставленные глаза и как он на самом деле молод. Вероятно, всего на пару лет старше меня.

Это зрелище пугает меня. Он выглядит слишком нежным, слишком мягким. Как человек, чье призвание декламировать стихи на озерном берегу, а не разрушать семьи или сжигать людей заживо. Мне становится интересно, что же такое Дийе делают со своими новобранцами, что те превращаются в злобных монстров.

– Что случилось с твоим нарядом священника? – интересуюсь я, жадно поглощая рисовые шарики. Находящиеся внутри них креветки свежие и сладкие, а боль в ноге утихла, сменившись тупой пульсацией, что не могло не сказаться на моем настроении.

Лейе садится напротив меня, вытягивает длинные ноги и принимается перекатывать монету по костяшкам пальцев.

– Нам нельзя привлекать к себе внимание.

Я вопросительно вздергиваю бровь, но он не дает никаких пояснений.

– Спасибо, что спас мне жизнь прошлой ночью, – неохотно говорю я. – Не знаешь, выжил ли лейтенант Бао? Он был добр ко мне.

– Я не в курсе, есть ли другие выжившие. Не обращал на них внимания. Моя единственная задача – защищать тебя.

– Но почему?

– Таков приказ, – лаконично отвечает он.

– Приказ Дийе? Но лейтенант Бао говорит, что меня хочет видеть ваш военный министр. – Я цепляюсь за надежду, что Лейе доставит меня к министру, а не к священникам, которые наверняка предадут меня смерти. Однако он молчит. – Что от меня нужно политику? После того, что случилось прошлой ночью, думаю, я заслуживаю некоторых ответов, – настаиваю я.

Не обращая на меня внимания, он угощается свежим инжиром. Я запихиваю в рот булочку с заварным кремом, сминая бумажную обертку в шарик и швыряю в него.

Лейе ловит его без каких-либо усилий, даже не поднимая головы. Похоже, моя жалкая атака его позабавила.

– Тебе не кажется, что я имею право знать, почему меня пытаются убить? – напирая я, немного повышая голос. Меня не волнует, что нас может услышать лекарь. Уверена, он сейчас стоит с противоположной стороны, прикинув ухом к двери. Мой страх сменяется раздражением. Я вытрясу ответы из этого мальчишки-священника! – Почему эти люди преследовали меня? И почему тот человек назвал меня Похитительницей Жизни?

– Потому что он был тяньсай, и для них ты такая и есть. Сами мы этим словом не пользуемся.

«Мы? Это он о Дийе?»

– Не понимаю, – говорю я.

– Ты слышала о кузнеце и мечех-близнецах?

– Сказочки, которые матери рассказывают детям, чтобы те не брали чужие вещи?

– Это не сказка.

Я смеюсь, и звук выходит слишком громким для тихой комнаты. Лейе стискивает пальцы и бросает на меня холодный взгляд. Я тут же замолкаю.

– Что ты имеешь в виду?

– Расскажи мне эту историю, – просит он, но я лишь поджимаю губы. – Давай, уважь меня.

– Что ж, ладно. Давным-давно жил-был даровитый кузнец... – Лейе усмехается. – Так рассказывала эту историю моя бабушка, и так же буду рассказывать ее я, – раздраженно поясняю я.

Он жестом просит меня продолжать.

– *Давным-давно*, – повторяю я, – жил-был даровитый кузнец, у которого был сын. Однажды Нефритовый Император Небес повелел кузнецу создать меч, красоту которого не смогло бы превзойти никакое другое оружие, сотворенное человеком или богами. Ему следовало выковывать клинок в небесном нефритовом огне в течение тысячи дней и тысячи ночей, поэтому Нефритовый Император предложил воспользоваться небесной кузницей в своем дворце. На тысячный день кузнец пошел закалять меч слезами любимца бо-

гини Сивангму – фэнхуана, потому что слезы феникса обладают целебными магическими свойствами. Но на обратном пути кузнец набрел на персиковый сад. Опьяненный сладким ароматом, он надкусил один плод. Что, откровенно говоря, было глупостью, потому что он находился в Саду Бессмертия, и ни одному смертному не позволялось ничего там брать. В наказание Нефритовый Император поразил единственного сына кузнеца ударом молнии и убил его.

– И?

– И тут ты говоришь ребенку: «Видишь, что случается, когда берешь то, что тебе не принадлежит».

– У этой истории есть продолжение.

– Так поведай мне его. – Как мне сейчас хочется стереть с его лица это загадочное выражение!

Некоторое время Лейе сидит молча, непрерывно вертя монету между длинными пальцами. Я запикиваю в рот еще один рисовый шарик, раздумывая, не заколоть ли его палочкой для еды и не убежать ли. Однако маловероятно, что мне удастся далеко уйти.

– В некоторых древних записях сохранилась и другая часть, но, насколько мне известно, ее никогда не рассказывали в качестве сказки на ночь, – наконец произносит Лейе. – Обезумев от смерти сына, кузнец схватил меч, отрубил фениксу голову и забросил ее в мир смертных. Там, где она упала на землю, выросла горная цепь. Затем он проклял выкованный им меч, сообщив ему силу уничтожить даже бо-

га. Меч раскололся на две части, два противоположных друг другу вида оружия. Первый меч превратился в чистый белый переливающийся нефрит, а второй сделался черным, как ночь, и темным, как ад. У них много имен. Чаще всего их называют Белый Нефритовый меч и Obsидиановый меч, или меч света и меч тьмы. Спасаясь с Небес бегством, кузнец выронил белый меч, и никто не знает, где он теперь находится. Сам кузнец, хоть и съел персик бессмертия, не стал богом. Он превратился в духа, навеки запертого во тьме мира душ.

Я сглатываю, и *чангфан* у меня во рту на вкус внезапно становится как опилки.

– Что такого важного в этой сказке?

– Я же сказал, что это не сказка.

Пришла моя очередь усмехаться. Уж не обезумел ли он, проведя столько времени среди Дийе? Лейе откидывается назад, слегка постукивая указательными пальцами друг о друга. Меня раздражает его внешнее спокойствие и собранность.

– Тебе, уверен, известно, что магия тяньсай отравляет нашу землю, – говорит он.

«Почему же пустыня продолжает распространяться, если фальшивые священники без устали убивают тех, кого называют тяньсай?»

– Так утверждают священники, – повторяю я некогда услышанные от амы слова.

– Дийе отличаются от тяньсай. Мы верим, что Похити-

тель Жизни принесет мир всему миру. Это *тяньсай* прокляты богами, порабощены тьмой. Их магия нечиста, они жаждут убить тебя, потому что не хотят, чтобы ты отыскала меч света, не желают избавляться от черной магии, поглощающей нашу землю. Вот почему они на тебя напали прошлой ночью.

– О чем, черт подери, ты толкуешь? – нахмурившись, спрашиваю я.

– Говорят, что меч света – единственное, что может остановить распространение болезни на земле. Осененный небесной магией персика, кузнец стал первым Похитителем Жизни, и только Похититель Жизни может найти пропавший артефакт, который исцелит нас.

– Какое это имеет отношение ко мне?

Лейе не отвечает, и мне требуется несколько мгновений, чтобы уложить все сведения в голове. И тогда у меня кровь стынет в жилах.

– Ты думаешь, что Похититель Жизни – это я? Но это же всего лишь сказка, – бормочу я.

– Мои соратники, которые нашли тебя, видели тела в переулке. Из их описания следует, что люди умерли от воздействия крадущей жизнь магии. – Лейе подходит ко мне, садится рядом и с тревожащей уверенностью сжимает мое запястье. Сейчас его темные стальные глаза пугают меня. – Твоя магия *другая*. Именно поэтому *тяньсай* и хотят убить тебя.

Я отгоняю воспоминания о том, что произошло в Шамо, и отворачиваюсь от пронзительного взгляда, не желая верить словам Лейе. Скорее всего, он лжет. Я не могу быть Похитителем Жизни, что бы это ни означало.

– Нелепица какая, – восклицаю я, отдергивая руку, – я не та, за кого ты меня принимаешь.

Лейе резко встает, давая понять, что наш странный разговор окончен.

– Доедай и переоденься в новую одежду. Выезжаем через полчаса. У тебя будет своя лошадь. Нам нужно как можно скорее добраться до столицы.

– Собственная лошадь? Не боишься, что я сбегу?

– Ты умна и хочешь остаться в живых. Если попытаешься бежать, придется в одиночку разбираться с тяньсай, дворцом и священниками. Кроме того, от *меня* тебе не скрыться. – Улыбнувшись, он направляется к двери. – Хотя бы потому, что в настоящее время я единственный, кто может обеспечить твою безопасность.

Глава 9

АН

Через три дня мы прибываем в Бэйшоу. Только вот вместо того чтобы воспользоваться тайным входом во дворец или в какой-нибудь храм Дийе, в открытую скачем по улицам. А он еще настаивал, что нельзя привлекать к себе внимание! Однако я рада возможности посмотреть столицу. Даже не мечтала когда-нибудь здесь оказаться.

Бэйшоу – город более яркий и ослепительный, чем рисовалось мне в воображении. И очень-очень богатый. Я стараюсь не пялиться на аккуратные, вымощенные булыжником улицы, такие чистые, что практически сияют. На каждом углу виднеются величественные скульптурные фонтаны и другие водные сооружения, некоторые размером с торговую лавку. Тут и там возвышаются позолоченные храмы, на карнизах и крышах которых установлены приносящие удачу каменные животные и фигурки разных богов, окрашенные в яркие сочно-зеленые и красные оттенки с небесно-голубыми и золотисто-желтыми акцентами.

Между улицами и вдоль тротуаров разбросаны небольшие, тщательно ухоженные островки зелени с цветами и растениями. Богатство здесь повсюду, даже деревянные окна лавок украшены сложным узором из чередующихся округлых прямоугольных фигур и завитков.

А люди! Облаченные в дорогие шелковые одежды, такие яркие, каких я никогда в жизни не видела, они обескураживают. Никаких признаков бедности. Ни нищих, ни грязных уличных мальчишек, ни намека на ветхость ни в одном из зданий. Даже подавальщики в тавернах и чайных, мимо которых мы проезжаем, хорошо одеты.

Мне трудно справиться с обидой от осознания того, что все богатства Империи стекаются в столицу, в то время как другие города и деревни погрязли в нищете.

Мы спешиваемся в конце длинной, обсаженной деревьями дорожки, и я с открытым ртом таращусь на внушительное строение передо мной.

Прямо из земли вырастают массивные металлические ворота. Факелы обрамляют каменные стены высотой более пятидесяти футов, которые тянутся вверх и вширь, скрывая то, что находится с противоположной стороны. По бокам от больших ворот стоят два стражника, еще несколько маршируют по периметру.

К нам подходит охранник. Лейе незаметно вынимает что-то из рукава. Я замечаю бледно-нефритовую печать. Стражник тут же отвешивает низкий поклон.

– Молодой господин, чем могу служить вам?

«*Молодой господин?*» Почему дворцовая стража обращается к священнику так официально, словно он аристократ?

– Министр ожидает эту госпожу. Она его гостя. Проследите, чтобы всем сообщили, – произносит Лейе тоном высоко-

родного человека.

Стражник щелкает каблуками, глядя на меня с гораздо большим почтением, вежливостью и даже некоторым любопытством, а затем открывает маленькую дверцу в одной из створок и бормочет кому-то несколько слов.

Огромные ворота распахиваются, но за ними нет ничего, кроме большого унылого двора, вымощенного булыжником, с еще одним рядом ворот и еще одной высокой стеной в противоположном конце. Другой стражник приветствует нас и ведет к новым воротам, повторяет весь ритуал своего предшественника, и створки открываются. За ними обнаруживается еще один страж, внутренний двор и *очередные* ворота.

В конце концов мы проходим через столько ворот, дворов и дорожек, что все они сливаются у меня в голове в один длинный коридор и один большой двор с редкими растениями. Мне ни за что не отыскать выход из этого лабиринта.

Лишь миновав пятый или шестой по счету двор, я наконец начинаю замечать истинное очарование дворца. Ухоженная красота Бэйшоу блекнет по сравнению с величием и великолепием здешней территории.

Скользю глазами по ярко-алым и зеленым двускатным крышам, деревянным колоннам насыщенных винных оттенков, захватывающей дух резьбе на обшивке потолков, упиваясь видом используемого в декоре мерцающего золота. В какой-то момент, когда мы проходим открытое пространство между зданиями, я замечаю семиэтажную пагоду на берегу

небольшого озера. Здесь даже *озеро* есть. Насколько же велико это место?

Наконец нам велят ждать в величественном зале, где по углам скромно стоят несколько слуг, не сводя глаз с какой-то далекой точки перед собой. На меня никто не смотрит. Хочется расспросить Лейе о дворце и министре Чжао Яне, но пустые выражения лиц слуг не вводят меня в заблуждение. Не сомневаюсь, что любой из них с радостью подслушает наш разговор. Отчего бы и нет? Я на их месте именно так и поступила бы.

Неожиданно открывается потайная дверца, и появляется миниатюрная девушка, одетая в белый *рукун*¹⁰, расшитый пионами. Как и у большинства жителей Ши, у нее светлая кожа. Покрывающий лицо слой жемчужной пудры заставляет кожу светиться. Ее щеки нарумянены, губы выкрашены в алый оттенок, который ей очень идет, а волосы заплетены в замысловатые косы и петли, украшенные разноцветными шелковыми цветами. Должно быть, такова столичная мода. Рядом с этой девушкой я чувствую себя абсолютной замарашкой.

Она склоняет голову.

– Добро пожаловать во Внешние дворы, госпожа. Меня зовут Линьси, я провожу вас в ваши покои.

¹⁰ Рукун является традиционной китайской одеждой. В качестве общего термина описывает наряд, который состоит из верхней одежды и наматывающейся вокруг юбки в качестве нижней одежды.

– Я... я не... зови меня Ан, пожалуйста, – мямлю, мучительно сознавая, как жалко, должно быть, выгляжу. Я совершенно уверена, что и пахну не очень приятно.

Линьси любезно улыбается и снова кланяется.

– Прощу вас, госпожа Ан, следуйте за мной.

Я поворачиваюсь к Лейе, надеясь, что тот пойдет со мной. И пусть он не друг и не союзник, но после того, как мы некоторое время путешествовали вместе, все же могу считать его знакомым человеком. Однако он исчезает в коридоре, не сказав ни слова.

За неимением выбора я следую за Линьси в комнату, которая в три раза больше хижины Амы. Воздух благоухает свежими цветами. Солнечный свет мягко струится сквозь затянутые рисовой бумагой окна. Шторы из органзы насыщенных цветов – бирюза, пурпур и сапфир – драпируют арочную деревянную раму кровати с балдахином в виде двойной луны. На стенах висят прекрасные картины с яркими пейзажами, а на комодах и боковых столиках расставлены изящные позолоченные украшения. В одном углу стоит складная ширма, расписанная журавлями с красными гребнями и зеленым бамбуком. На нее наброшены шелковые халаты.

Мне кажется, что я сплю, вот только мои сны никогда не были такими вычурными. Слезы жгут глаза. Если бы ама все это увидела, если бы только могла отдохнуть на этой роскошной кровати! *«Возьми себя в руки, – упрекаю себя. – Ты здесь надолго не удержишься. Тебя привезли сюда только пото-*

му, что какой-то политик считает тебя полезной».

Появляются две готовые помочь служанки, но Линьси взмахом руки велит им уйти. Как и она, обе девушки облачены в белые одежды, ведь сорокадевятидневный королевский траур по императору Гао Луну еще не закончился. Впрочем, вышивка у них менее замысловатая, да и украшенные эмалевыми шпильками прически попроще. Должно быть, Линьси фрейлина более высокого ранга или любимица какого-то высокопоставленного лица. Мне становится интересно, родилась ли она во дворце или просто воспитывалась здесь.

– Какое красивое место, – замечаю я.

– Рада, что оно вам нравится, госпожа Ан...

– *Пожалуйста*, просто Ан.

Мгновение поколебавшись, Линьси одаривает меня заговорщической улыбкой, которая мне очень нравится.

– Хорошо, но только когда мы одни. – Она ведет меня в ванную комнату, поясняя по дороге: – Вы гостя главного министра, но он военный и живет очень просто, поэтому вдовствующая императрица Чжэньси выделила эти покои специально для вас. Я дам знать ее величеству, что вы удовлетворены.

– Сама императрица! – чуть не визжу, взволнованная таким вниманием. – Я не просто удовлетворена, это большая честь для меня. Зачем бы ей вообще понадобилось это делать?

– Нам сказали, что вы *почетная* гостя. – Глаза девушки

широко раскрыты от предвкушения. Она ждет, что я назову ей себя.

Я открываю рот и тут же закрываю. Лучше ничего не рассказывать ни о том, как я попала в плен к священникам, ни почему это случилось. Не хочу отпугнуть Линьси.

– Юноша, с которым я была... Ты знаешь, кто он такой? – интересуюсь.

– Это был молодой господин Сима Лейе, младший сын наместника провинции Цинь.

Сима Лейе. Значит, он и *в самом деле* аристократ. Но и священник тоже?

– Он любезно доставил меня во дворец. Работает здесь с министром?

– Я прислуживаю наложницам в западном крыле Внутренних дворов и, к сожалению, мало что знаю о дворцовых политиках. – Отвернувшись от меня, Линьси насыпает лепестки роз в заполненную водой ванну, и воздух наполняется пьянящим ароматом.

Ее ответ немного разочаровывает, но думаю, она здесь только по приказу императрицы Чжэньси. Я убеждаю ее в том, что в состоянии вымыться самостоятельно, и после того, как девушка уходит, погружаюсь в ванну с теплой водой, наслаждаясь этой редкой роскошью.

Потом я облачаюсь в белые шелковые одежды, ласкающие кожу, словно облака, и предаюсь в руки Линьси, которая убирает мне волосы в сложный пучок. Затем она приподнимает

мой подбородок и ловко подрумянивает щеки.

– Вот так, – заключает она, явно довольная своей работой.

Мое сердце колотится как сумасшедшее, когда я рассматриваю себя в бронзовом зеркале. Одевшись в прекрасные одежды, я больше не узнаю саму себя, бедную девчонку-воровку из пустыни. Ощущение такое, будто я что-то потеряла.

При виде туфель на двухдюймовой платформе, которые Линьси ставит передо мной, я бледнею.

– Боюсь, что не смогу их надеть. Я поранилась по дороге сюда, – показываю повязку на ноге.

– Что произошло? Послать за лекарем?

– Нет, не нужно. Я в порядке. С лошади упала, – поясняю, не зная, сколь много ей можно рассказать. Хотя я и *чувствую*, что могу доверять девушке, она для меня по-прежнему незнакомка. И судьба моя пока не ясна.

Линьси хмурится и оглядывает комнату, задумчиво постукивая пальцем по щеке.

– О! – Она достает пару шелковых туфелек и помогает мне надеть их. – Эти подойдут.

Я вздыхаю с облегчением.

– Спасибо. Я никогда раньше не носила обувь на платформе.

Она вежливо скрывает удивление. Мы выходим из комнаты, и Линьси ведет меня по длинным коридорам, потом через большой сад. Вскоре мы оказываемся на поляне, к которой прилегает безмятежное сине-зеленое озеро. У берега

стоит павильон, каких я никогда в жизни не видела. Его крыша куполообразная, а не изогнутая, а вместо опорных колонн все сооружение окружено кольцевой стеной, сделанной из камня, мерцающего на солнце приглушенной белизной. Сквозь решетчатые резные отверстия я вижу внутри фигуру, а мои уши улавливают среди трелей птиц и другой звук.

Музыка.

Мелодия прекрасна и меланхолична, будто поверяемые шепотом интимные тайны.

– А кто это...

– Нам не стоит заставлять главного министра ждать, – осторожно перебивает Линьси, указывая вперед.

Оттуда приближаются два стражника. Наш эскорт.

Мы следуем за ними до следующего здания. Они бойко щелкают каблуками и останавливаются у входа. Линьси указывает на большую гостиную, где мне следует дожидаться министра.

– Теперь я должна вас покинуть, госпожа Ан.

– Побудь со мной, ну пожалуйста? – Внезапно занервничав, я сжимаю ее руки в своих. Через несколько минут в этой комнате решится моя судьба.

– Мне очень жаль, но существуют дворцовые правила. Главный министр не потерпит, чтобы на частной встрече присутствовала служанка императрицы.

Частной? В углах комнаты я уже заметила трех слуг, которые изо всех сил стараются слиться с окружающей обста-

новкой. Тут мне в голову приходит одна мысль.

– Прежде чем уйдешь, скажи, какое самое важное правило во дворце?

– Будьте осмотрительны при выборе тех, кому доверять. – И девушка ускользает прежде, чем я успеваю расспросить поподробнее.

Слуги по-прежнему прячутся в тени, избегая смотреть мне в глаза, но в воздухе отчетливо улавливаю их пристальное внимание. Меня не покидает чувство, что не следует с ними разговаривать, поэтому я сажусь на стул и жду.

Проходят минуты, и усталость от долгого путешествия наваливается на меня, словно тяжелый мешок риса. Мои веки медленно опускаются, хоть я и щиплю себя за руку, чтобы не заснуть.

Резко вздрагиваю, услышав звон доспехов. В гостиную входят двое стражей.

– Кланяйтесь! – шепчет слуга у меня за спиной.

Снова вздрагиваю.

– Главный министр Чжао Ян! – раздается чей-то голос.

Шаги приближаются, но я не поднимаю головы.

– Посмотри на меня, – произносит другой голос, повелительный и твердый, будто боек молотка.

Я выпрямляюсь и вижу одетого в белые одежды человека. Одна половина его лица скрыта серебряной маской, в то время как на второй сверкает глубоко посаженный черный, как у ворона, глаз. А еще у мужчины орлиный нос. Когда он

смотрит на меня, любопытство на его лице сменяется узнаванием.

– Сяо Ан? Это *действительно* ты.

Глава 10

АЛТАН

На следующий день мы покидаем кочевников. Они щедро заполняют наши котомки едой, тем самым значительно улучшая настроение Тан Вэй. Мы держим путь на север, ориентируясь по солнцу. Впереди маячат горы Удин, с каждым днем увеличиваясь в размерах.

Я приближаюсь к цели, но из ночи в ночь в голове крутятся слова Шенни, словно шифр, который я не могу разгадать.

Сердце – это не слабость.

Что она хотела этим сказать? И какое это имеет отношение к поиску меча света или Похитителя Жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.